

ПАМЯТЬ

Часть 1

Кулагина Людмила

18+

Людмила Кулагина
Память. Часть 1

«Автор»

2020

Кулагина Л. Е.

Память. Часть 1 / Л. Е. Кулагина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-90973-1

Действие происходит на Украине в 1917 - 1920 годы. Роман о любви, о человеческих судьбах в период больших перемен в истории. Первая мировая война, революция, гражданская война. Власть на Украине меняется порой несколько раз за день. Государственная граница определяется линией фронта и всё время перемещается. Как живут люди в таких условиях? Живут! И любят, и рожают детей, и сеют хлеб. Что они чувствуют, о чём думают, о чём мечтают? Нужна ли им война? Взгляд на исторические события глазами простых людей: украинцев, поляков, русских.

ISBN 978-5-532-90973-1

© Кулагина Л. Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. Дом под орехом	6
2. В окопах	10
3. Хлев	12
4. Побег	15
5. Утро	17
6. Под дождём	21
7. Новая жизнь	24
8. Картошка	26
9. Собрание	29
10. Анархисты	32
11. Роды	34
12. Дорога	36
13. Саша	38
14. Станция	40
15. Маринка	41
16. Перемирие	44
17. Надежда на счастье	46
18. Линия фронта	48
19. Потеря	50
20. Снег	52
21. Перемирие	54
22. Немец	55
23. Страсть	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Людмила Кулагина

Память. Часть1

Модели на обложке: Владислава Клодчик, Денис Кулагин

Дизайн обложки: Людмила Кулагина

1. Дом под орехом

У меня странная генетическая память. Я помню свои прошлые жизни. Может быть, это просто моя фантазия? Порой я нахожу документальное подтверждение того, что мои воспоминания реальны. События из моих воспоминаний происходили на самом деле. Возможно, я читала что-то подобное и забыла, и теперь мне кажется, что эти события произошли именно со мной? Судите сами.

Я прожила много жизней, и в каждой из них я разная, но всё же, это я.

Я иду босиком по дороге. Осень. Поля уже убраны. Жёлтая стерня, стога. Запах сухой травы насыщенный, горьковатый, терпкий. Солнце пригревает, словно старается напитать теплом всё вокруг перед зимой. Прошла уже много сел и нигде не нашла работу, но, почему-то, не волнуюсь. Всё вокруг наполнено таким покоем, что и мне передалось это состояние. Люблю ходить босиком. Чувствую связь с землёй-матушкой, она меня держит, даёт силы. Отдохну. Полежу в свежем ароматном сене. На пригорке начинается село. Не хочется торопиться. Сердце замирает. Что ждёт меня там? Впитаю в себя солнечный свет. Сила солнца, сила хлеба войдёт в меня. Начнётся новая жизнь. Самостоятельная.

Бреду по улице. Вишни, яблони закрывают маленькие домики. Нужно зайти во двор, спросить, нужны ли работники. Страшно. Собираюсь с духом. Стучу. Говорят, что в доме под большим орехом работника мобилизовали. Иду туда. На это и рассчитывала, что идёт война, мужики уходят на фронт. Может, повезёт, и кто-нибудь да возьмёт девку в работницы.

Ищу орех. Вот он! Ветки проходят над домом и спускаются по другую сторону! Вся земля усыпана грецкими орехами! Точно работников нет. Где это видано, чтобы орехи пропадали, в землю втаптывались!

Стучу. Открывает калитку старушка худенькая, ладненькая, в чистом передничке. Не понимая мой польский акцент, зовёт дочь. Та вышла в украинской расшитой блузке – худая, высокая, чернобровая, сильные руки, властный взгляд, смотрит пристально, оценивающе.

– Здравствуйте, – начинаю я.

– И вам здоровья, – отвечает хохлушка.

– Не нужны ли вам работники? Вижу, орех собрать некому!

– Не тебе решать, что мы когда собирать должны, – недовольный голос зазвенел от раздражения.

– Простите, если не так сказала, – потупилась я.

– Работники нам нужны, а не работницы. Мужиков почти всех на фронт забрали, – сказала хозяйка.

– Работников не найдёте, разве что покалеченных. А я за мужика сойду. И пахать, и косить могу, – объяснила я.

– Ладно, хвастаться. Худосочна больно! Куда тебе пахать! Ведро с водой и то вряд ли поднимешь! – засомневалась женщина.

Не хотелось мне уходить с этого двора. Приглянулся мне гигант-орех и белая мазанка под его ветвями.

– Испытайте меня. Задание дайте. Не выполню – прогоните.

– Откуда ты такая шустрая? Говор – то не наш, не хохляцкий, – насторожилась женщина.

– С Польши иду, – ответила я.

– Ох, не близкий путь. Возьми ковш, напейся да садись, расскажи, как там у вас? Из каких мест будешь?

– С Рованцев я.

– Люто воюют у вас там? – участливо посмотрела на меня хозяйка.

– Всё разбомблено. Стреляют и стреляют. Батюку на фронт забрали. Мамка дома осталась, младшие сёстры и брат. По нашим полям войска прошли уже несколько раз. То русские наше село займут, то австрияки. Туда-сюда ходят. Урожай весь пропал. Голод зимой будет. Что не затоптали, то разворовали. Мамка меня, старшую, на заработки отправила.

– Жалко тебя тощую такую прогонять. Хоть работница из тебя не дюже какая получится. Да ладно. Прокормимся зиму, а там видно будет. Где вещи–то твои? – решила хозяйка.

– Да всё на мне, – призналась я.

– Ох, бедное дитятко! Как зовут-то тебя? – Запричитала она.

– Саша. Александра Завадская. А по – отчеству Стаховна. Паспорт есть у меня.

– Да ладно, паспорт. Оставь себе. Пашка! – крикнула хозяйка.

Появился черноглазый пацанёнок.

– Пашка, отведи девку в боковую комнату, да перинку на топчан брось.

Пошла я вслед за Пашкой. Чистая маленькая комнатка. Узкое окошко, а перед окном ствол огромного ореха – большой и тёплый, все прожилочки и трещинки видно. Защити и убереги меня от бед. Доверилась я этому ореху сразу и безвозвратно.

Смех во дворе, затем в соседней комнате. Вздохи, шорохи. Тяжёлое мужское дыхание, стон. Что там? В жар меня бросило от догадки. А что удивляться? Обычный дом, здесь живут люди обычной жизнью. Шаги, смех, затем тишина. Ушли. Интересно как это всё...? Выскакиваю во двор. Умываю лицо холодной водой, ищу хозяйку. Нужно занять себя чем-то, отогнать видения.

– Меня зовут Ганна, – представилась хозяйка. – А это мать моя – бабка Ярина. Мужик у нас только один остался, и его, того и гляди, на войну заберут. Мужа забрали, двух сынов старших тоже, а младшего уже два раза откупали, на нём всё держится. Снохи обе на сносях, так что работать тебе придётся много.

– Я готова начать, тётя Ганна. Что прикажете делать? В огород идти? – тороплюсь я.

– В огород завтра пойдём, картофель копать будем, а сегодня иди на речку, бабам помоги бельё стирать, – скомандовала Ганна. – Пашка, отведи Сашу к мосткам.

Весёлая тропинка в кустах орешника. Солнечные блики играют в догонялки вслед за порывами ветра. Птички перекликаются весело, как весной. Почему такой подъём в душе, почему тревожно на сердце? Манящие фантазии, радостные предчувствия. Чего я жду? Что зовёт меня, пугает и радует одновременно?

– Олеська! – крикнул Пашка. – Подмогу тебе привёл.

– Что за подмога такая? – Поднялась с мостков чернобровая, кареглазая, налитая, с чуть округлившимся животиком баба. Яркая, красивая, коса ниже пояса, улыбка, ямочки на щеках – я задохнулась от такой красоты.

– Работницу мамка взяла! – ответил Пашка.

– Орина, погляди, что за оглоблю мамка к нам прислала, – рядом поднялась ещё одна девица краше первой.

Да, вкус у Ганниных сынов не дурён, девки – огонь, яркие, смешливые, пышные. Зашлись обе в смехе.

– Да не бойся, иди сюда, знакомиться будем, – сказала Олеся, вытирая руки о передник.

– Здравствуйте, – еле вымолвила я, поднимаясь на мостки. Задела ведро, оно упало в воду.

– Пашка, вылови его скорей, – крикнула Орина.

– Она столкнула, пусть сама и лезет, – буркнул недовольный Пашка.

– Ах ты, лентяй, – накинулась на него Орина.

– Сама достану, – сказала я, подоткнула юбку и спрыгнула в воду.

– А ноги-то, как палки, гляди, гляди! – захохотали опять девчата. Я, молча, вытащила ведро.

- Что делать? – грубо спросила я.
- А что ты умеешь? – продолжали веселиться девушки.
- Всё умею, – ещё жёстче сказала я.

Девушки пошептались и разразились смехом, но на этот раз смех был другим – гортанным, сдавленным. Что такое Олеся обо мне сказала?

- Так ты опытная баба уже? – похохатывая, уточнила Орина.
- Да когда же вы, окаянные, с бельём закончите? – Ганна спускалась к реке. – Болтушки!

Что девку в краску вгоняете?

- Да в какую краску, мама. Она же ничего не понимает, – смеясь, сказала Олеся.
- Нет на вас управы, без мужиков совсем от рук отбились! – рыкнула на них Ганна.
- Так скучно нам одним, бабам-то, матушка.
- Завтра картошку начнём копать, сразу развеселитесь! Заканчивайте быстро! Работы полно. На завтра мешки да лопаты готовить надо!

Управившись с бельём, развешивали его во дворе. Неугомонная Олеся хохотала и поддразнивала, но не злобно, со скрытым интересом рассматривая меня. В селе редки новые люди, а я ещё и с чужбины, любопытно бабам.

А мне хотелось пройти по селу, посмотреть, как живут люди. Хотя украинские сёла мало, чем отличаются от польских, но всё же, на людей хотелось посмотреть. Я не сомневалась, что справлюсь с любой работой. Я хоть и худая, да выносливая. Значит, останусь здесь на всю зиму. Девки подсмеиваются надо мной, но я этого не боюсь, вижу, что без зла они.

Перед ужином зашла к себе в комнатку, прилегла на минутку, и опять те же звуки за стеной: сдавленные стоны, шуршание. Не выдержала, встала, вышла в коридор, приоткрыла соседнюю дверь, совсем маленькую, видимо, ведущую в чулан. Там темно, но глаза постепенно привыкли к темноте, и стали различимы силуэты мужской и женский, слитые в единое целое. Я замерла, они меня, видимо, не заметили. Их вздохи прервал крик Ганны.

- Сёмка, ты где? Что лошадь не распряг?

Парень оттолкнул девушку, прошёл мимо меня, взглянув без всякого удивления. Неужели заметил меня? Вдруг остановился, оглянулся и ущипнул меня неожиданно, резко и очень больно. Я сдержала крик, быстро скользнула в свою комнату.

Пытаюсь понять, что произошло. Парень не удивился, увидев меня, значит, он знал, что я подсматривала. Почему ущипнул меня? Обидно, больно. Сама виновата – подсматривала. Он не прервал своих движений и не прогнал меня, значит, был не против, чтобы я это видела.

Слышу голоса.

- А где работница? – спросила Олеся.
- В комнату ушла, – ответила Орина.
- Уже переутомилась. Ох, я так и думала, что толку с неё не будет, – вздохнула Ганна.
- Что ж брала тогда? – удивился Семён.

Хлопнула дверь.

- А ты, Маринка, что здесь? – спросила Ганна.
- Меня мамка послала к вам. Сказать, что завтра я с вами картошку поеду копать. В помощь вам отдают, – ответила запыхавшаяся Маринка.
- Ну, вот и хорошо. А на следующей неделе Семёна к вам отправлю помогать, – ответила Ганна. – Садись, отужинай с нами.
- Спасибо, тётя Ганна. Я побегу, я на минуточку зашла, только сказать, – смущённо протараторила Маринка.

- Только сказать! Понятно... – иронично повторил её фразу Семён.

Маринка убежала.

- Чего ты, смущаешь девчонку, Семён. Вишь, аж покраснела вся, – засмеялась Олеся.
- А чего я такого сказал? – хохотнул парень.

– Иди лучше работницу позови ужинать, она уснула, видать, – попросила Ганна.
– А как её зовут? – уточнил сын.
– Сашка, – ответила Ганна.
– Красотка? – спросил Семёк.
– Какая тебе разница, у тебя свадьба скоро, – оборвала его Ганна.
– Скоро – это не сейчас, – отшутился Семён.
– Ему такие тощие не нравятся! – улыбнулась Олеся.
– Что за разговоры срамные! – рассердилась Ганна. – Иди, разбуди, а то помрёт с голодухи, итак душа непонятно в чём держится. Мама, садитесь ужинать! – позвала Ганна бабушку Ярину.

Я вскакиваю с постели, выхожу из комнаты и сталкиваюсь с Семёном в коридоре, но он прошёл мимо меня, заглянул в мою комнату.

– Просыпайся! Подъём! – кричит в пустую комнату. Проходя мимо, опять щипает меня. Возвращается к столу, говорит семье. – Не просыпается. Крепко спит!

Зачем он врёт? Что за игру он ведёт? Я выхожу к столу.

– О, проснулась, – воскликнул Семён. – Миссия выполнена, матушка!

Олеся и Орина хохочут. Пока мать вытаскивала чугунок из печки, Семён шлёпнул Орину, та взвизгнула.

– Что такое! Чуть чугунок из-за вас не уронила! Ты что невестку обижаешь? – взвилась Ганна.

– Да что ты, мать, я за неё горой! Как брат наказывал! За всеми присматриваю, – положив Орине руку на талию, сказал серьёзно Семён. Рука поползла вниз, Oriна уронила ложку.

– Садись за стол, да не опаздывай больше! Дождаться не будем! – сказала мне Ганна.

На столе сковорода с яичницей вперемешку со шкварками. Сало продолжает шипеть и брызгаться. Ганна нарезает толстыми ломтями свежий хлеб. Я уже год ничего подобного не ела. Как войска прошли и всех кур забрали, нескольких успели попрягать, потом снаряд в сарай попал – ничего не осталось. Я ела как ошалелая, пока не услышала залиvistый смех Семёна.

– Да прекрати ржать, как лошадь, – прервала его Ганна, – Видишь, девка оголодала. Пусть поест, а то завтра работать не сможет.

– Она от обжорства завтра работать не сможет, а не от голода, – продолжал хохотать Семён.

2. В окопах

Тишину разорвал звук взрыва. Воздух вокруг наполнялся и наполнялся свистом, грохотом. Казалось, что взорвётся всё пространство от неудержимо разрастающихся звуков.

– В атаку! – прокричал чей-то голос в окопе.

Солдаты с трудом вылезали из глубокого рва. Земля отваливалась кусками из-под сапог, осыпаясь струйками. Сначала на поверхности показывались руки с винтовками, затем из окопа появлялся солдат, медленно подтягиваясь на руках. Никто не торопился.

– В атаку! – опять послышался голос командира уже ближе. – Стах, поторопись, чего расселся? Пока вылезешь, атака закончится.

– Не пойду я никуда, – проорал сквозь звуки взрывов Стах.

– Это саботаж! Я имею право тебя расстрелять по закону военного времени! – орал Стаху в ухо командир, для остротки вытаскивая пистолет из кобуры.

– Ну и стреляй! Всё равно сдыхать! Все здесь помрём скоро! – равнодушно ответил Стах.

– Ты ж вчера воевал, как заправский боец! Я решил тебя к награде представить, а сегодня что с тобой стряслось?

– С пленными вчера говорил. С нашего села они. Их австрияки на прошлой неделе мобилизовали. Они в нас стрелять не захотели. Сдались.

– И чего с того? Хватит болтать! Вылазь из окопа! Атака захлёбывается без меня!

– Сына моего тоже мобилизовали! Я в него стрелять не буду! И тебя не пущу! Пусть захлёбывается грёбаная атака! – Стах схватился за ружьё командира. Они мутузили друг друга в тесном окопе. Движения сковывали земляные стены и ружьё, застревающее поперёк. Из-за ружья и шла драка. Снаряд разорвался рядом. Оглушило, отбросило обоих на дно взрывной волной, припорошило пылью.

Очнулся Стах в наручниках, пристёгнутых к телеге с ранеными. Силился вспомнить, как тут оказался. Огляделся, увидел молоденького парнишку лет пятнадцати, тоже в наручниках.

– Кто такой? – спросил Стах – Чего прикованный?

– Меня Анджей зовут, – сказал парень. – Стрелять отказался. Теперь меня расстреляют, как изменника Родины.

– Что ж отказался-то? – спросил Стах.

– Так вчера пленные рассказали, что батьку моего австрияки мобилизовали. Что же я в родного отца стрелять должен?

– Ты с какого села?

– С Подгайцев. – ответил мальчишка.

– Так соседи мы. Я с Ровенцев. Стахом меня зовут.

– А вас за что?

– Одна беда у нас с тобой. У меня сына австрияки забрали. Я не стал стрелять. Вот заковали, сказали «саботаж».

– Неужто и правда расстреляют? – заволновался Анджей.

– Кто их знает, – тряхнул чубом Стах. – Всё одно погибнем. Какая разница кто стрельнет!

– Отставить разговоры, – сказал подошедший командир. – Встать!

– Да как встать-то, мы же прикованы! – усмехнулся Стах.

– Кононенко! Отцепи их! Отведи в сарай к остальным! – рявкнул командир!

– Там же пленные! – рискнул возразить солдат.

– Спорить будешь? Какая разница! Один чёрт – враги Родины! Веди, не размышляй, не твоё это дело!

– Будет сделано, Ваше благородие!

Стаха и Анджея отвели в тёмный сарай. Сквозь щели проникал тусклый свет. Люди лежали вповалку на сене, сидели, прислонившись к стойлам, лиц не разглядеть, слышно только разноголосый гул. Стах различил и русскую речь, и украинскую, и польскую, и немецкую.

«Вот, все враги стали друзьями по несчастью, – подумал Стах. – Всех перемешала война. Где свои, где чужие? Надо своих поляков найти. Может, с нашего села кто есть».

– Kto jest z Rovants? – спросил по-польски Стах.

– С Рованцев нет, с Подгайцев есть.

– Анджей, гляди, твои соседи.

К Стаху подошёл здоровый бородатый старик.

– Здорово, браток, – хрипло поздоровался богатырь.

– Здорово, батько! – ответил Стах, поднимаясь. – Неужто и стариков теперь на войну берут?

– Молодых полковник Ян Жондковски в свой польский легион забрал по приказу царя Николая, а австриякам только дети да старики достались, когда они Польшу заняли, – рассудительно и подробно объяснил старик.

– Якуб Новак, – старик протянул Стаху руку.

– Стах Завадский, – ответил Стах, пожимая огромную, как лопата, руку Якуба.

– Значит, с Рованцев будешь?

– Я-то с Рованцев. А вот Анджей – с твоего села!

Анджей тоже поднялся.

– Чей сын будешь? – пытался рассмотреть Анджея Якуб.

– Ковальский я, – ответил Анджей.

– Михал Ковальский! Неужто такой взрослый сынок у него уже!

– Михал – батька мой, – подтвердил Анджей.

– Знаю, знаю Михаила! Он с сыном моим дрался каждый божий день, когда пацаном был – разнять не могли.

– А где сейчас ваш сын? – спросил Анджей.

– Без вести пропал. В четырнадцатом в легион Жондковски мобилизовали, а летом пятнадцатого без вести пропал. Но верю, что жив, что доведется нам ещё свидеться, потому и в плен сдался, чтоб с сыном встретится. Я собираюсь сбежать и найти сына. Ни русские, ни немцы, ни австрийцы не желают добра Польше и полякам. Мы должны объединиться, собрать вместе всех поляков и воевать за себя, за Великую Польшу.

– Знаешь, не обижайся, но все эти речи в плену кажутся неуместными, что ты можешь сделать в кандалах? – Сказал Стах. – Моего сына мобилизовали в австрийскую армию, ему всего пятнадцать! Они заставляют нас стрелять друг в друга, называют изменниками и предателями только потому, что мы не хотим стрелять в своих детей и отцов. Каждая армия считает, что мы должны воспылать патриотическими чувствами именно к её стране. Польшу раздирают на части, а поляков заставляют убивать друг друга. Я ненавижу Россию, ненавижу Австрию.

– Так давай сбежим, – предложил Якуб.

– Как? У тебя есть план?

– Есть, – ответил старик.

Они отошли в угол и стали обсуждать план побега. Вокруг так мирно пахло овсом, лошадьми, конским навозом. Совсем недавно в этой конюшне в стойлах стояли лошади, а не люди, их сладковатый, терпкий запах оставил след во времени, споря с его неумолимым ходом.

3. Хлев

Так же пахло овсом и лошадьми в хлеву в селе Желобное, но здесь в стойлах, как и положено, были лошади. Меня послали задать им корм. Я вошла в погружённое в сумрак помещение, вдохнула насыщенный аромат, на ощупь пробралась к стойлам. Лошади недовольно всхрапнули, учуяв чужого. Я предусмотрительно захватила корочку хлеба, протянула открытые ладони в сторону услышанного звука, и тут же почувствовала горячее дыхание лошади, тёплые губы и прикосновение шершавого языка.

– Контакт есть, – подумала я и вошла в стойло, наклонилась, чтобы высыпать зерно, и вдруг, раздался резкий звук, сразу вслед за ним заржали кони. Сердце оборвалось от испуга, дыхание стало тяжёлым, как у бегущей лошади. Невольно прижалась к тёплому боку нервно переступавшего коня. Замерла. Звуки не повторялись. Лошади успокоились. Я выглянула из-за стойла, взяла стоящие рядом вилы и медленно пошла по проходу. Сарай был длинным, только два стойла были заняты, остальные пустовали, кое-где в щели проникали лучи заходящего солнца, сказочно подсвечивая солому, выхватывая красным то брёвна сарая, то балку, то лошадиную морду, то висящую на крюке рубаху и кепку. Кто-то забыл?

И вдруг, снова резкий не то крик, не то всхлип. Теперь понятно, что это не зверь – крик человеческий. Я замахнулась вилами и замерла, увидев, поднимавшегося с сена Семёна. Парень ухмыльнулся, увидев меня, затем, как ни в чём не бывало, отряхнул солому с волос, надел рубашку, кепку. Я так и стояла с вилами, глядя в упор на Семёна. Я не опустила, уронила вилы после того, как перевела взгляд в угол. Там Марина, освещенная красным лучом, закрыв глаза от яркого света, натягивала рубаху, сидя на сене. Солнце светило Маринке в глаза, и она не видела меня.

Я отступила в тень перегородки. Марина поднялась с сена, обняла сзади стоявшего к ней спиной Семёна. Он быстро развернул Марину лицом к себе, так быстро, что девушка не успела рассмотреть ничего вокруг. Та потянулась к нему губами, и он поцеловал Марину, в упор глядя на меня, потом схватил Марину за руку, и они убежали из сарая.

– Что он делает? – я недоумевала. Меня бросило в жар. Я помчалась к реке, не разбирая дороги, умылась прохладной водой. Увидела лодку, вытасченную на берег. Не раздумывая, как в бреду, столкнула лодку в реку, подоткнув подол, забежала по колено в воду, запрыгнула в лодку и стала быстро грести. Гребла долго, не останавливаясь, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями, стараясь найти душевное равновесие.

Почему это меня так взволновало? Разве я ни разу не видела, как парень с девушкой целуются? Что здесь особенного? В этом, конечно, ничего странного нет. Он не засмутился, более того, специально целовался, зная, что я смотрю, вот это странно.

И новая волна жара прокатилась по моему телу. Я вспомнила Марину, безмятежно надевающую рубаху на разгорячённое тело, великолепное, спелое, сильное и живое. Казалось, будто оно вобрало в себя свет красного солнца и отдавало его обратно, медленно, не торопясь, освещая всё, как второе светило. Больно стало мне от воспоминания об этом великолепии. Сравнила с собой. Сравнение не мою пользу.

Бросила вёсла, легла на дно лодки в полном изнеможении оттого, что долго гребла, но больше от эмоциональных переживаний. Тихо. Ветра нет. Солнце почти зашло. Ярко подсвеченные облака украшают затухающее небо. Запах полыни, сухого сена, доносившийся с берега, смешался с кислым ароматом водорослей и камыша. Вдруг, послышался всплеск.

«Утка?» – подумала я, но всплеск повторился. Я села. Кто-то плывёт. Быстрые резкие движения рук. В воде угадывается ловкое тело. Светлый чуб. Семён. Подплыл, подтянулся, низвергая с себя водопады воды, залез в лодку. Упругое молодое тело, удивительно гармоничное от природы, отточенное постоянной физической работой, будто выполненное художником

в красной цветовой гамме – любимой краске заходящего осеннего солнца. Я задохнулась от впечатляющей картины. Он, не раздумывая, пододвинулся ко мне, уверенный, что никуда не денусь. Куда деваться-то, посередине реки! Парень молча, глядя мне в глаза, провёл пальцем по лицу, затем по руке, хотел продолжить движение по ноге, но я оттолкнула его. Семён засмеялся, схватил меня за плечи. Я с силой вывернулась из объятий парня и прыгнула в реку.

– Сильная, однако, а на вид такая доходяга. Куда ты? Не доплывёшь!

Я упрямо гребла. Холодная вода освежила мозг, быстро приведя меня в чувство. Я плыла уверенно и спокойно.

– Всё равно вернёшься! Тебе не доплыть!

Я не отвечала.

– Дура, утопнешь, – опять закричал Семён десять минут спустя.

Ответа, как и прежде, не последовало.

– Мне же тебя спасать придётся, возвращайся!

Молчание.

– Ты сумасшедшая!

Вскоре я увидела, что Семён плывёт на лодке рядом со мной.

– Садись в лодку, – приказал Семён. – Простынешь, вода уже холодная.

Я упрямо гребла, от злости не чувствуя ни холода, ни усталости. Прошло уже около полу- часа. Я попала в течение, меня сносило, несмотря на героические усилия, берег не прибли- жался.

– Залазь. Я тебя не трону. Клянусь. Всё желание отбила своим героизмом. Чего боишься- то? Не собирался я насильно ничего делать. Я видел, как ты смотрела, забирайся в лодку, точно не трону. Ты и так худая, а теперь совсем синяя, как труп. Давай руку.

Семён наклонился, схватил меня за руку, приподнял, я перегнулась через борт и с трудом вползла в лодку, свернулась калачиком, пытаюсь согреться, да так и осталась лежать, не в силах сесть.

– Может тебя растереть, чтоб согрелась? – спросил серьёзно Семён. Я дёрнулась испу- гано. – Ладно, лежи, не трону. Только не вздумай снова в воду прыгать, погибнешь. Спасать тебя не буду! – всю дорогу до берега Семён распекал меня, рассказывая, какая я глупая, дур- ная. Я его уже не слушала. Стучала зубами от холода громче, чем он говорил.

– Иди домой, – сказал Семён мне. – Я позже приду. Лодку оттащу.

Я мокрая и синяя зашла в избу. Ганна изумилась.

– Что с тобой?

– С мостков упала, – соврала я.

– А чего ты туда попёрлась. Бельё ведь уже постирано?

– Умыться захотелось, – краснея от неловкости, проговорила я.

– Иди, переоденься, – сказала Ганна.

– Ничего, так высохнет, – отказалась я.

– А у тебя, небось, и смены нет! Вот голыдьба! Олеська! Дай ей свой сарафан, а то её ещё и лечить придётся.

Олеся с Ориной, услышав крик Ганны, зашли в дом и прыснули от смеха, увидев меня, стоящую в луже в прилипшей к телу одежде!

– Мамка, неужто ты новую оглоблю купила, – покатывалась со смеху Олеся. – Что-то тонковата она, оглобля-то, как бы не переломилась.

– Охолонись, Олеська, – оборвала смех снохи Ганна, – Лучше одёжку ей старую свою отдай!

Олеся не посмела послушаться, и вскоре я вышла на крыльцо в Олесином сарафане. Это вызвало новый приступ смеха. Сарафан был широким и коротким, я переминалась с ноги на ногу, а девки хохотали, придумывая всё новые и новые шутки про пугало, которое плохо

набили соломой. Веселье прервал вернувшийся с реки полуголый Семён, и мы, все трое, засмотрелись на него. Он, пританцовывая и напевая, прошёлся по двору, поглядывая на нас. Олеся и Орина смотрели на него с нескрываемым восхищением.

– Какой красавчик, – не выдержала Орина.

– Мужней жене не гоже на парней засматриваться, – смеясь, одёрнула её подруга.

– Так один остался на всю деревню! На кого ж ещё смотреть! – хохотнула, продемонстрировав ямочки и белые зубки, Оринка.

– Ах ты, проказница. И пузо тебе не помеха! – удивилась Олеся.

– Так пузо у нормальных баб всегда есть. Привыкай уже!

4. Побег

Вечером в сарае с пленными произошли неожиданные события.

Якуб прошёл к выходу, расталкивая сидящих на земле людей, встал у выхода, невозмутимо спустил штаны, и начал мочиться прямо на дверь. Австрийцы, сидевшие и лежащие рядом, вскочили, начали кричать и ругаться на него, показывая руками на отгороженный угол, где находилось отхожее место. Якуб, делая вид, что не понимает их речь, продолжал орошать дверь. Пленные кричали, но помешать огромному Якубу никто не посмел. Старик неторопливо подвязал штаны и пошёл в свой угол. Некоторое время ещё продолжалась возня. Те, кто раньше находился у дверей, теперь оттесняли лежащих в центре, чтобы не сидеть в луже. Лужа постепенно подсыхала, но запах становился только сильнее.

На закате залязгал замок, дверь распахнулась, в сарай вошла баба, несущая ведро с похлёбкой и мешок с хлебом. Охранник, сопровождавший её, только войдя в сарай, поморщился от едкого запаха, заткнул нос рукой и выскочил, закрыв дверь снаружи. Баба медленно передвигалась от двери в противоположный угол, разливая похлёбку и раздавая хлеб арестованным. Когда она подошла к Якубу, тот схватил её в охапку и начал стаскивать юбку. Баба вскрикнула. Все оглянулись на крик. Якуб закрыл её рот поцелуем и продолжал раздевать. Раздались протестующие возгласы, но их было мало. Большинство солдат столпились вокруг посмотреть на небывалое зрелище. Якуб легко раздел бабу до исподнего белья, не обращая внимания на её сопротивление. Мужики вокруг замерли в предвкушении. Здесь вступил в свою роль Стах.

– Что пялитесь? – сказал он на смеси польского и немецкого языка. – Страсть мужика одолела, баба приглянулась. Будете пялиться, он вам глаза повыбивает, когда кончит. Больно зол он, лучше вам не попадаться ему под горячую руку.

Толпа стала нехотя расходиться. Анджей подобрал одежду бабы и зашёл за перегородку, туда, где все справляли нужду.

Мужики отворачивались, боясь смотреть на Якуба после угроз Стаха. Якуб связал бабу, сунул ей в рот кляп и прикрыл своей шинелью. Из-за загородки, стараясь быть незамеченным, проскользнул Анджей, одетый в бабское платье. Парень повязал голову платком, взял пустое ведро, согнулся, чтобы спрятать лицо и подошёл к двери, стукнул ведром пару раз. Охранник открыл дверь, выпустил Анджее, ничего не заподозрив, и быстро захлопнул дверь обратно, морщась от противного запаха. Солдаты тихо перешёптывались, обсуждали произошедшее; но вслух никто ничего не сказал, то ли из-за страха перед огромным Якубом, то ли из-за солидарности, ведь все они – заключённые русской армии.

Шум постепенно стих. Спустились сумерки, резко превратившись в кромешную тьму, как это бывает обычно на Украине, и только всполохи освещали село и степь с редкими пролесками.

Ночью одна из досок в углу сарая начала с тихим скрипом отодвигаться, в щели появился лом, Якуб схватил его и начал выламывать ломом доску. Солдаты вокруг завопили, просыпаясь от шума, Стах начал громко храпеть, стараясь перекрыть звуки. Люди закрывали уши, чтобы не слышать храпа, наконец, Якубу удалось отодвинуть доску. Отверстие стало шире, и Якуб со Стахом в кромешной тьме, наощупь выбрались из сарая и задвинули доску обратно, еле успев спрятаться в кустах. Мимо прошёл охранник. Беззвёздная ночь помогла пройти им незамеченными через всю деревню вслед за Анджеем в бабском платье, который шёл впереди, выбирал дорогу и предупреждал об опасности. Встречный патруль не обращал внимания на торопливо шагающую с ведром бабу. Ведро с остатками похлёбки и мешок с хлебом Анджей предусмотрительно прихватил с собой.

Велико же было удивление русского офицера, не досчитавшегося пленных, выведенных охранниками из сарая на рассвете, но это была не самая яркая эмоция у него в это утро, его ждал куда более интересный сюрприз, когда в поисках исчезнувших пленных, он вошёл в сарай и приподнял шинель Якуба. Голая баба так радуется глаз среди серых военных будней! Ещё интересней было допрашивать заключённых. Каждый в красках описывал, как Якуб насиловал бабу. Все рассказы были разными, в зависимости от фантазии, богатства сексуального опыта и пристрастий рассказчика.

Сама же Марфа, так звали голую бабу, которую почему-то никто не торопился одевать, факт изнасилования отрицала. Она сказала, что её только раздели и связали. Марфа явно обладала литературным даром и с удовольствием, подробно рассказывала об этом сначала охранникам, затем командирам. Война войной, но жажды зрелищ никто не отменял. Хорошая история ценилась во все времена.

5. Утро

Роса покрывала всё поле, или это были капли дождя, прошедшего ночью. Чистая, умытая природа, притихла, будто ждала чего-то. Совсем без ветра. Так редко бывает. Всё вокруг неподвижное, тихое, только птицы поют, невидимые в ветвях. Кажется, отсутствие движения обострило запахи, они стали ярче, призывнее обращать на себя внимание. Конечно, это штиль сгустил ароматы у поверхности земли, и мы все притихли, очарованные утренним пейзажем.

Растормошил всех Семён, раздал вёдра, лопаты. Сколько же у него энергии! Мы все вялые, ещё не отошли ото сна, а он будто и не спал вовсе. Весёлый! Шутит, смеётся. Следом за ним, по пятам, всегда следует Пашка, не отходит от старшего брата. Девчата, постепенно просыпаясь, включаются в работу и начинают реагировать на его шутки.

Дело идёт споро. Все привыкли к физическому труду. Олеся и Орина, несмотря на своё положение, работают без отдыха. Солнце поднимается всё выше. Семён кажется двуязычным, он всё успевает: и копать картошку, и уносить мешки, и шутить, и подбадривать девушек. Жара стоит, как летом, но Семёну всё нипочём. Носится по полю, пританцовывая, даже копает картошку, словно вальсируя. Скинул рубашку, волосы взлетают от резких движений, весь отдаётся процессу. Можно подумать, глядя на него, что копать картошку – это самое увлекательное дело на свете, – улыбается, раскраснелся.

Девушки к полудню устали, даже не смотрят на своего любимчика, но никто не жалуется, все ждут, когда Ганна объявит перерыв на обед. А хозяйка, как будто не видит, что уже полдень, собирает картошку, не разгибая спины. Теперь понятно, в кого Семён такой выносливый.

Наконец, Ганна выпрямилась и позвала всех обедать. Радостные Олеся и Oriна побежали к телеге, достали корзину с едой, расстелили скатерть на траве. Марина тоже достала узелок и присоединилась к общей трапезе. Я старалась есть медленно и немного, чтобы не вызвать смех у окружающих, но сдержаться не смогла, опять налетела на еду, как оглашенная.

– Что ж такое творится на земле. Девки с голоду чуть недохнут, – вздохнула Ганна. – Такая земля кругом благодатная, а у людей голод. Тут же с одного поля можно целое село всю зиму кормить. Скоту травы сколько хочешь коси, в садах всё само растёт – девать некуда, а у них – голод! Куда у вас всё подевалось?

– Посевы войска потоптали, скот, курей солдаты воруют, мужиков на фронт забрали, что мы – девки можем сделать против роты солдат. Они заходят во двор и берут всё, что хотят, – пожаловалась я.

– Что ж эти австрияки совсем звери? – спросила Олеся, – У баб и детей последнюю еду забирают.

– Так не только австрияки забирают, русские тоже. Граница перемещается: то русские переходят в наступление, то австрийцы. Нашему селу не везёт, линия фронта то с одной стороны села, то с другой, – объясняла я девчатам.

– А кто злее, австрийцы или русские? – спросила Oriна.

– Так это же только армии так называются австрийская, да русская, а воюют и за тех, и за этих украинцы, да поляки. У австрияков есть целая Бригада Польских стрелков, командиры немцы, в основном, а солдаты многие мобилизованы с наших, польских земель, – подробно рассказывала я.

– Что же это делается, поляки против поляков воюют? – удивилась Ганна.

– То и дело в армиях бунты случаются из-за этого.

– Почему?

– Сначала русская армия мобилизовала поляков, затем село заняла австрийская армия и тоже провела мобилизацию. Родственники оказались в разных армиях и должны сражаться друг с другом. Люди, узнав об этом, отказываются воевать.

– Что же командиры не понимали, что так и будет, когда крестьян в солдаты вербовали на чужой земле? – вступил в разговор Семён.

– А чужой эту землю ни та, ни другая армия не считает. В восемнадцатом веке территорию Речи Посполитой (так тогда называли Польско-литовское государство) разделили между собой Австрия, Пруссия и Россия, а после того, как русские Наполеона победили, Польша к России отошла. Так что русские считают, что польские земли принадлежат России, а австрийцы говорят, что хотят независимости Польши и помогают полякам.

– А что сами поляки думают? – заинтересовался Семён.

– Крестьянам думать особо некогда, то посевная, то уборочная. Приезжают разные люди с городов, речи произносят, так гладко говорят, что пока одного слушаешь, то ему и веришь, а другой приедет, по-другому говорит, тоже, вроде, убедительно, начинаешь ему верить.

– Так, наверное, самостоятельно-то жить лучше, чем под кем-то ходить, – предположила Ганна.

– Но вы же тоже под русскими живёте. Как вам? – спросила я.

– Да, один чёрт, что русские, что украинцы, лишь бы дали жить спокойно, без войны? – ответила Ганна.

– А русских от украинцев как отличить? Вон приезжал недавно какой-то мужик, говорит, что из Москвы, а фамилия у него украинская, – вступила в разговор Марина.

– Это тот, который про революцию говорил? – спросил Семён. – Что-то ты про него не первый раз вспоминаешь, – приревновал парень, – Приглянулся? Чем, интересно? Маленький, прыщастый.

– За то умный! – бойко ответила Марина.

– Так может, за умного москвича замуж пойдёшь, раз мы, деревенские, тебе не по нраву, – завёлся Семён.

– Ну и поиду! – дерзко крикнула Марина.

– Да нужна ты ему, столичному гостю, как собаке пятая нога! – парировал Семён.

– Всё, хватит, ещё не поженились, а уже ругаетесь! – прикрикнула на них Ганна! Давайте-ка за работу беритесь, а то вон, тучки собираются!

Все продолжили копать картошку. Олеся убрала посуду. Саша думала, что Маринка с Семёном поссорились серьёзно, и спросила об этом Олеся.

– Да что ты, они каждый день ругаются. Милые бранятся – только тешатся!

И точно, вечером Семён с Мариной вместе таскали мешки на подводу и, вдруг, пропали куда-то.

– Олеся, иди, найди этих бездельников! – ругалась Ганна.

– Да, иду, мама, уже иду, – кричала с другой стороны поля Олеся и не трогалась с места. Вскоре Семён и Марина появились счастливые и довольные, в обнимку.

– Куда пропали, лодыри, лентяи! Только бы поваляться где-нибудь, греховодники! Стыд какой! До свадьбы в обнимку ходят! – беззлобно, больше для порядка ругалась уставшая Ганна.

Закончили работу в сумерках. Ещё предстояло увезти мешки с картошкой за несколько рейсов. Пока грузили мешки на подводу, Марина нарочно рассказывала про Ивана Калиниченко, революционера из Москвы, чтобы позлить и заставить ревновать Семёна.

– Иван говорил, что главное не в том, к какому государству относится Украина, а кто правит в этом государстве, – увлечённо говорила Маринка, поглядывая огромными зелёными глазами на Семёна.

– Да кто ж, кроме Царя, править могёт? – удивилась Ганна.

– Мамань, уже полгода, как царя свергли, а ты всё – царь, да царь! – Упрекнул мать Семён.

– Так это ж временно! Сказано же было, временное правительство! – доказывала Ганна.

– А Иван говорил, что скоро будет власть народа, – опять взялась за своё Маринка, насмешливо глядя на багровеющего от злости Семёна.

– Какого такого народа? Весь народ на один трон посадят? – усмехнулась Ганна.

– Нет! Выбирать будем сами, кого посадить на трон! – доказывала своё Маринка, – Так Ваня говорил, – намеренно пыталась вывести из себя парня дерзкая девчонка.

– Представьте, деда Потапа – юродивого, на трон как посадят! Вот смеху будет! – зашлась от хохота Орина.

– Вы побольше Иванов слушайте всяких, не то ещё вам расскажут! – злобно глядя на Маринку, сказал Семён.

– Всё, хватит ругаться. Орина, Олеся, садитесь на подводу, а Маринка с Сашей останутся мешки сторожить. Надоело слушать, как вы друг друга цепляете, жених и невеста называется! Пяти минут в мире прожить не можете. Семён, трогай!

– Да может, им любо так. Поругались, а потом помирились. Ой, как сладко-то мириться, если любишь! – проговорила, забираясь на повозку Олеся.

Повозка тронулась. Пашка бежал рядом, мы остались с Мариной вдвоём среди огромного, убранного поля. Не верилось, что мы смогли так много сделать за день, спина болела, руки ныли, ноги едва волочились. Мы сели около мешков с картошкой, облокотившись на них. Всё располагало к доверительной беседе. Мне очень хотелось поговорить с Мариной об их с Семёном отношениях, но я не рискнула начать такой разговор и спросила совсем о другом – о революционере Иване из Москвы. Марина с удовольствием начала рассказывать, наматывая кончик косы на палец.

– Он умный такой, говорит и говорит, часами может что-то рассказывать о своей революции и ни разу не сойдёт.

– Я тоже про революцию слышала. Это было, когда к нам в село пришёл легион сечевых стрелцов в составе Австро-венгерской армии. У них была женская чота, – поддержала разговор я, хотя думала совсем не о революции.

– Что у них было? – не поняла Маринка.

– Чота – это отряд такой. Там только женщины были. Трёх из них к нам на постой определили, когда Австрийцы наше село заняли.

– Что же, эти женщины тоже воюют? – удивилась Марина.

– Некоторые из них – санитарки, другие стрелцы, а одна даже в разведку ходила.

– Что же, они прямо в юбках воюют? – усмехнулась Марина.

– Нет, у них как у мужиков форма: штаны, рубашка с погонами, пилотка.

– А оружие есть? – спросила заинтересованная Марина.

– Да, ружья огромные, еле поднимешь, – пояснила я.

– Здорово. Я бы тоже хотела воевать, – проговорила Марина.

– В польском легионе? Или на стороне Австро-венгров? – поразила я.

– Нет, я бы лучше с русскими и украинцами была. Иван говорил, что революции нужны бойцы, но Семён звереет, когда я про революцию или про Ивана начинаю говорить.

– Ты же замуж собираешься! – воскликнула я.

– Да что хорошего замужем! – яростно возразила Марина.

– Ты что, не любишь Семёна? Тебе Иван нравится?

– Да нет. Семёна я очень люблю, жить, наверное, без него не смогу, а Иван мне действительно нравится, но по-другому. Иван, как будто из другого мира: говорит так красиво, не по-простому, он как заморский принц – далёкий и недоступный, такой странный и загадочный! – задумчиво говорила Марина.

– А Семён сказал, что Иван маленький и прыщавый, – удивлённо произнесла я.

– Семён просто ревнует. Иван – солдат, он командир взвода в полку имени Ивана Хмельницкого, – защитила Ивана Марина.

– Это полк российской армии или украинской? – спросила я.

– Да, это российская армия, но в этом полку только украинцы воюют. Эх, если бы меня туда взяли! Я бы могла санитаркой быть! – вздохнула Марина.

– Почему ты так хочешь на фронт? Это же опасно, могут убить. Я видела много раненых, у нас в селе лазарет был – это ужас какой-то! Так страшно, столько крови. Они так кричат и стонут от боли! Я еду им носила. Мне дурно становилось через пять минут, – удивлённая позицией Марины, рассказывала я.

– А мне не нравится наша однообразная жизнь. Огород, конюшня, стирка, поле, затем опять огород, а что до запахов в лазарете, так навоз тоже воняет, и ничего, терпим же! А на фронте можно совершить подвиг! Спасти кого-нибудь!

– А как же Семён? – меня больше всего волновал именно он.

– А мы бы вместе с Семёном пошли. Днём бы подвиги совершали, а ночью... ты ещё маленькая, с тобой про то, что ночью происходит, ещё нельзя разговаривать.

– Почему маленькая? Мне уже семнадцать, – жёстко сказала я.

Мне так хотелось, чтобы она продолжила разговор на эту щекотливую тему. Марина, правда, казалась мне более взрослой и опытной, но я не хотела признаваться в своём невежестве.

– Семнадцать? Как мне? Я бы тебе и пятнадцати не дала. Ты прямая и худая, как подросток, только длинная очень, – удивлённо сказала Марина, разглядывая меня, будто впервые видела.

Наш разговор прервал Семён, приехавший стоя на подводе, как на боевой колеснице. Он резко остановил лошадь и остановился, внимательно рассматривая нас. Наверное, сравнивал. Видел нас с Мариной рядом впервые.

Я ненавидела себя в этот момент, ну, кому я могла понравиться – такая длинная, худая, нескладная? Тем более, рядом с Мариной, такой сбитой, ладненькой, симпатичной, уверенной и смелой. Я вспомнила её тело, освещённое лучом закатного солнца, увиденное мною в сарае, когда она натягивала на себя одежду, сидя на соломе. Дыхание перехватило от волнения, и слёзы выступили от жалости к себе. Ну, на кого я могла произвести впечатление?

Семён спрыгнул с телеги, подбежал к нам, смеясь, схватил нас обеих в охапку, поднял двоих сразу! Вот это силища! Он не выглядел силачом, не был высоким и мощным, обычный парень, среднего роста. Семён потащил нас к телеге и сложил туда.

– Вот она, самая лучшая картошечка! – крикнул он.

Мы, хохоча, вырывались, брыкались, но не так-то просто было вырваться из его объятий, а может быть нам и не очень хотелось. Наконец, хватка его ослабла, мы подскочили и побежали к мешкам.

Уже было темно, обратно мы возвращались ночью. Тёплый воздух, шедший от земли, порой сменялся холодным осенним ветерком, и мы рады были поводу сесть поближе к Семёну, чтобы согреться. Так и ехали, сбившись в кучку, как воробьи. Огромные звёзды, казалось, были рядом. Тьма опрокинулась на нас, резко прервав коротенькие сумерки.

6. Под дождём

Дождь лил третий день. Было тепло, но не просыхающая трое суток солдатская одежда поляков отяжелела, и, казалось, источает холод. Поляки, сбежавшие из русского плена, Стах, Анджей и Якуб, продвигались лесными тропами в сторону Польши. Хлеб и похлёбка, которую они прихватили с собой, закончились, нужно было зайти в село, чтобы добыть еды, но прежде необходимо было найти другую одежду. Компания выглядела слишком странно. Двое, Анджей и Якуб – в форме Австрийской армии, а третий, Стах – в мундире русской армии. Решили послать Стаха в ближайшее село, он мог сделать вид, что случайно отстал от своего отряда.

Стах вошёл в село и пошёл по улице, присматриваясь и прислушиваясь. Несколько мальчишек пробежали мимо с криками: «Бежим к церкви! Там военные понаехали!». Стах заинтересовался, но было опасно подходить к военным, мундир Стаха мог привлечь ненужное внимание. Он перескочил через плетень, увидев, что бельё сушится на верёвке во дворе, стащил рубаху и быстро перемахнул обратно. В кустах переоделся и пошёл туда, куда побежали мальчишки. У церкви собрался народ.

«Странно, – продумал Стах. – Никто не работает. Картошку под дождём копать, конечно, не будешь, но в хозяйстве всегда работа найдётся».

Мужиков на площади было немного, в основном, совсем молодые парни, лет по пятнадцать – шестнадцать. Всех остальных забрали на войну, и тот, кто выступал перед ними, был немногим старше – лет восемнадцать.

– Нашу украинскую армию надо создавать, – звонким мальчишеским голосом говорил парень.

– Мы будем сильными, если у нас будет своя рабочая крестьянская армия! Никто не сможет нам указывать с кем и когда воевать! Мы создадим Первый Украинский корпус! И командовать им будет гарный украинский хлопец Павел Скоропадский! Послал он меня к вам, чтобы в вашей станице сформировать отряд добровольцев! Записывайтесь, парни. Будем воевать не за Россию, не за Польшу, не за Австрияков, а за нашу матушку – Украину! – закончив пламенную речь, парень прыгнул с телеги.

– За Украину! За ридну Украину! – кричали некоторые в толпе.

На молоденьких мальчиков пламенная речь произвела впечатление, парни стали подходить к телеге и записываться.

Ой! – заголосила баба в толпе. – Последних сынов забирают! Как жить будем! Мужиков не осталось! Пахать некому, косить некому! Мы, бабы, без мужиков пропадём, состаримся никому не нужные! Ой, господи, помоги!

– Да чего ты голосишь, – крикнул оратор. – Это ж наша украинская армия, а не чужестранная.

– Да один чёрт! Чем украинская лучше? И в ней наших парней поубивают. Не убьют, так покалечат, – продолжала расстроенная женщина.

– Ещё и лошадей заберут, надо ж на чём-то ездить, а потом и овёс – надо для лошадей, – поддержала её другая. – А кто вас всех кормить должен? Мы, бабы?

– Так, зато потом у нас своё государство будет! Какие-то вы не патриотичные! – с трудом подобрал слово парень.

– А вы – патриотичные! Всё в свои игрушки играете, в пистолетики! Стрельнем туда, а потом туда! Наши дети и мужья гибнут, а вы всё играетесь! Шёл бы ты, пацан, в своё село, да там командовал, а нам никаких армий и войн не надо!

– Мам, не позорь меня! – подошёл к говорившей женщине сын и увёл её с площади.

Долго ещё гомонил народ. Кто-то записывался, кто-то расспрашивал оратора, кто-то спорил с ним. Стах незаметно удалился, ему нужно было найти ещё две рубахи и хлеб. Стах

забрался в один из дворов, где тоже сушилось бельё во дворе, но снять было нечего, сушилась только женская и детская одежда.

«Придётся Анджею опять женское платье носить», – усмехнулся про себя Стах.

– Кто такой? Чего надо? – Раздался за спиной низкий женский голос.

Стах оглянулся. Перед ним стояла молодая женщина с вилами наперевес.

– Хозяйка, прости, не со злом пришёл. По нужде, – заикаясь от неожиданности, сказал Стах.

– По нужде в калитку входят с поклоном, а не через забор крадучись. Что высматриваешь здесь? Кто ты?

Стах замялся, медля с ответом. Версия, подготовленная заранее, о том, что он отстал от отряда, не подходила к ситуации. Даже если отстал от отряда, во двор лезть не гоже.

– Не пойму, сапоги и штаны солдатские, рубаха крестьянская. Что за маскарад? Что ты скрыть хочешь, от кого прячешься? – спросила приметливая баба, внимательно, с интересом разглядывая Стаха.

Он был высок, слегка сутулился. Седина уже тронула виски, но лицо было молодым, приветливым. Правильные черты: красивые брови, зелёные глаза, прямой длинный нос, ровные белые зубы. Было в его внешности что-то основательное, домашнее и уютное.

Глаза Стаха бегали, не привык врать он, и то, что поймали его за воровством, было очень неприятно. Как мальчишка покраснел Стах под пытливым взглядом хозяйки. Уже сто раз пожалел, что зашёл сюда. Хотелось убежать и больше не возвращаться, но что-то удерживало его. Стах осмотрел двор. Всё чисто прибрано, хотя видно, что старое, крыша покосилась, дверь сарая слетела с петель, в огороде маленькая банька, по окна вросшая в землю, на верёвке и плетне висят рубахи детские, штук десять. Зачем так много? На крыльце стоит ведро с молоком, видно, хозяйка доила корову в сарае. Невольно он сглотнул слюну и чуть не подавился, закашлялся.

– На вора ты совсем не похож, на разбойника тоже, какой-то слишком пугливый – бабы с вилами испугался, – попыталась смутить мужика ещё больше хозяйка, наблюдая за реакцией непрошеного гостя. Стах опустил голову, уже не скрывая своего стыда и смущения.

– Возьми ковш, да попей воды. Вон ведро у колодца! А то я вижу, у тебя язык к нёбу присох! – женщина опустила вилы и рассмеялась.

Стах подошёл к колодцу, зачерпнул воды, попил, оглянулся на хозяйку, увидел, что та опустила вилы, улыбается. Решил рискнуть.

– Хозяйка, вижу, не держишь зла, помоги, дай хлеба кусок.

– Ну вот, дашь воды, ещё и хлеба подавай, дашь хлеба, ещё и одеться начнут просить, – со смехом сказала баба.

Как в воду смотрела, именно такой план и был у Стаха. Он смутился от бабской прозорливости ещё больше, топтался на месте. Не привык он просить. Всю жизнь трудился, лечил скот, даже в соседние сёла люди звали, если конь заболел или корова не могла разродиться, а тут пришлось кусок хлеба просить. Да лучше бы с голоду сдох, чем такой стыд терпеть.

– Ладно, проходи в хату, накормлю, чем бог послал; помогу чем смогу, только не ври, расскажи всё, как есть. Я вижу, ты простой человек, врать не приучен, всё равно не получится у тебя сочинить гладко.

Стах испытал облегчение от её речей, прошёл в хату, огляделся и обомлел. С печи на него смотрели пять или шесть пар маленьких глазёнок. Ручонки крошечные и побольше мелькали среди одеял, совсем маленькая голая ступня свисала с полога. Оглянулся на хозяйку. Решил бежать отсюда. Как можно у многодетной матери хлеба просить! Но пройти не смог, всю комнату заполонили шустрые подвижные ребятишки, скатившиеся с печи после мамкиной команды.

– Дети, ну-ка, быстро все во двор гулять! – крикнула она. Самых младших ей пришлось снимать с печи – ещё еле ходили. Старшие подхватили малышей на руки и быстро убежали во двор.

– Вот батьку убили на войне, теперь сироты все! – сама начала откровенничать хозяйка.

– Как же ты справляешься одна с такой оравой? – изумился Стах.

– А куда деваться? Вы – мужики, нас – баб, не спрашиваете, начинать войну или нет. Идёте и убиваете друг друга. А нам дальше мучиться самим приходится. Лучше б и баб с детьми тоже сразу убивали, всё равно не выжить! Лошадь уже забрали за копейки! Если ещё и корову заставят продать, то всё, конец нам всем. А вам всё нипочём! Всё играетесь! Отряд такой, отряд сякой! То война, то революция! Делать вам нечего? Кто работает, тот о такой ерунде не думает! Это всё बारे, да бояре народ мутят! Ладно, садись за стол да Расскажи сам откуда?

Стах сел за стол, хозяйка подала борщ и хлеб. Стах не смог удержаться, набросился на еду, хотя сам себя за это ненавидел. Хозяйка с удовольствием смотрела, как ест неожиданный гость. Давно не было мужчин в этой хате.

После обеда Стах рассказал Ярославе (так звали хозяйку) о том, как его забрали на фронт в русскую армию, о том, как отказался стрелять в своего сына, в своих земляков поляков, которых мобилизовали во вражескую австрийскую армию, о том, как бежал с друзьями из плена.

– Где ж друзья твои? – спросила Ярослава.

– Прячутся в лесу. Боятся в деревню зайти. Они – поляки, которые воевали на стороне Австро-Венгрии, одеты в австрийскую форму, – ответил Стах.

– Голодные тоже, наверное? – посочувствовала Ярослава.

– Да. Они меня послали еды и одежды добыть, – объяснил гость.

– Дам я тебе одежду мужа моего, ему она уже не пригодится, – сказала Ярослава, оглянувшись на образа и перекрестившись.

– Спасибо, хозяйка, – тоже перекрестился Стах, вставая из-за стола.

– И хлеба для них возьми, – предложила добрая женщина.

– Не могу я просто так ничего взять, у тебя у самой куча ребятишек. Давай, отработаю. Картошку могу выкопать, дров нарубить, – наконец нашёл приемлемый выход из положения Стах.

Не дожидаясь ответа, Завадский вышел во двор, взял топор и начал рубить дрова. Через два часа ровненькая поленница лежала у хаты.

– Если в огород выйду картошку копать, меня односельчане твои властям не сдадут? – спросил Ярославу работник.

– Никакой власти сейчас в селе нет. Царя нет. Временное правительство до нашей губернии так и не добралось.

– А армейские командиры?

– Командиров разных много появлялось. Кто в армию украинскую агитирует, кто в революционеры зовёт. Выбирай – не хочу, кому что больше нравится! Лишь бы не работать! Болтать-то веселее! А хлеб можно просто у баб забрать. Защитить нас некому, мужиков всех поубивали на фронте.

– Тогда, дай, пожалуйста, одежду. Я пойду друзей своих позову. Мы живо всю картошку тебе выкопаем!

Ярослава принесла одежду, отдала и долго грустно смотрела вслед уходящему гостю, опёршись на плетень. Видно, не верила, что Стах вернётся.

7. Новая жизнь

Резкий крик прорезал глубокую, вязкую тишину ночи, разорвав её надвое, как рвётся ткань, делясь на две половины. У Олеси, жены старшего сына Ганны, начались роды. Тишина в ближайшее время в этом доме не предвидится. Новая жизнь громко заявляет о своих правах в этом мире, в этой семье, претендует на место в доме, на место в сознании каждого, кто здесь живёт, и будет напоминать о себе регулярно, будто опасаясь, что кто – то подумает о чём – то другом, отвлечётся от главного хоть на миг. А главное в этом доме отныне – эта новая жизнь, новый человек, пока ещё ничего не понимающий и едва видящий, но уверенный, что его жизнь важнее всего вокруг.

И действительно, всё в доме с этого момента начинает крутиться вокруг младенца: распорядок дня, смена периодов шума и тишины в доме, всё зависит от того, спит малыш или бодрствует. «Такой маленький комочек, а столько власти» – так думалось мне. Скоро появится и второй ребёнок – у Орины. Но что-то пошло не так. Прошло уже десять месяцев с тех пор, как муж Орины, Виктор ушёл воевать, а ребёнок не родился. Ганна приглашала, знахарок, даже врача привозила из города, но они говорили, что у Орины всё нормально. Чувствовала она себя хорошо. Когда пошёл одиннадцатый месяц, Ганна запаниковала окончательно, ходила сама не своя. И вдруг, как-то утром Ганну осенило. Новая мысль прожгла мозг. Ганна позвала Орину и ушла с ней в сарай. Через полчаса Орина вышла из сарая заплаканная, быстро, насколько это возможно с её пузом, убежала к себе в комнату, следом вышла Ганна, злая, свирепая, взлохмаченная, как ведьма, схватила вожжи и громко крикнула Семёна. В ответ тишина.

– Сёмка! Не выйдешь, найду и пришибу, – орала Ганна не только на весь дом, но и на всю улицу.

– Ты в любом случае меня пришибёшь, – ответил, медленно сползая с крыши сарая, Семён, – Что ж, бей! Орину только не трогай!

– Ах, он ещё мне указывать будет, кого трогать, кого нет! Ты хоть трошки думал бы иногда! – ругательства и удары попеременно сыпались на Семёна. Вожжи опускались Семёну на плечи, на спину, на голову. Ганна буйствовала. Семён терпел, молчал, не отворачивался, не закрывался. Кровавые рубцы покрыли его плечи, вожжи раскромсали рубаху, лицо тоже было в крови. Орина выскочила из хаты.

– Мамо, покалечите! Остановитесь, не надо больше, – пыталась перекричать Орина Ганну, но та не обращала на неё внимание. – Я подскочила к ней и схватила за руку, поднявшуюся для замаха перед очередным ударом. Ганна попыталась вырвать руку, но моя хватка была мёртвой, какое-то бешенство проснулось во мне, отступить я не собиралась. Ганна осталась на секунду от неожиданности, затем, забыв о Семёне, переключилась на меня, схватила свободной рукой за волосы.

– И ты туда же, – завопила мать.

Я не сопротивлялась.

– За что вы его так? – спросила я.

– Перед тобой я отчитываться должна? – взбесилась Ганна, накручивая на кулак мои косы, но вдруг остыла, выпустила волосы, как-то осунулась сразу, и стала медленно оседать на землю, затем заплакала тихо и безутешно.

Подбежала к ней Олеся с младенцем, стоявшая всё это время на крыльце, не решаясь приблизиться к матери, она обняла Ганну, уткнулась ей в плечо и тоже зарыдала. Ребёнок, почувствовав неладное, к ним присоединился. Так они рыдали втроём: Олеся с облегчением, от того, что всё раскрылось, и не надо больше ничего скрывать, мать, горько виня себя за то, что не уследила за девкой и воспитала непутёвого сына, а малыш просто громко орал, весело и настырно.

На крыльцо вышли Орина и Семён. Встали перед матерью на колени.

– Прости нас, мать, – сказал Семён.

– Так что ж делать то теперь! – бесцветным голосом сказала Ганна и пошла мимо детей куда-то в поле.

Издалека она казалась девочкой худенькой и одинокой, с расплетёнными косами, со сбившимся на бок передником, всё ещё держа в руках вожжи. Орина хотела побежать за ней.

– Оставь её, – сказала Олеся.

И все растерянно смотрели на стройную фигурку матери, удалявшуюся к реке. Это зрелище производило на них куда большее впечатление, чем крики и бойня. Всем взрослым детям было невыносимо стыдно, больно, и каждый чувствовал себя в одиночестве, как будто семья распалась, как только мать вышла со двора. Они будто осиротели без неё.

Я пыталась понять, что же здесь сейчас произошло. Понимание приходило медленно, прорываясь через пелену, через струю горячих живых чувств боли и страсти, которые накрыли меня с головой, будто это касалось лично меня. И я чувствовала, что всё здесь касается меня лично. Какая-то неразрывная связь существовала между мной и этой семьёй, хотя ещё два месяца назад я о них даже не слышала.

И только огромный орех стоял невозмутимый и уверенный, закрыв своими ветвями, как лапами и дом, и двор, и всех его обитателей.

8. Картошка

Стах вернулся к друзьям, отдал им рубахи и хлеб, те переоделись и перекусили. Стах рассказал им о том, что увидел в деревне, о тяжёлой доле женщин, о вдове с кучей детей. Якуб вспомнил о своих детях и жене, об их доле.

– Пойдём, поможем бабе, – сказал он. – Может и нашим бабам кто вспомогнет.

И три польских мужика в расшитых украинских сорочках пошли помогать одинокой хохлушке. Копать картошку закончили в сумерках. Соседи Ярославы дивились на таких помощников, Ярослава набрехала им, что родственники приехали. Ночь выдалась тёплая, лунная. Мешки перевозили при свете луны. Ярослава нарадоваться не могла на работников, накормила их, затопила баньку.

В бане мужики, выпив квасу, а затем ещё и горилки, разомлели. Анджей, не выдержав жара, быстро ушёл спать на сеновал, пьяный Якуб долго шатался по двору и пытался петь польские песни. Ярослава то и дело выбегала из дома и останавливала его, наконец, он уgomонился и уснул, зарывшись в сено. А Стах, устав от длинного, тяжёлого дня, уснул прямо в бане.

Сквозь пар ему то ли чудилось, то ли снилось, что баба голая в бане – румяная, жаркая, пышная, волосы распустила до колен. Капли пота выступили на белой, почти прозрачной коже, и вся она светится, покрытая этими капельками, отражающими пламя свечи. И так сладок был этот морок, что не хотелось просыпаться, стряхивать наваждение, прогонять прекрасное, неземное и, в то же время, такое жизненное, плотское видение. Почудилось ему, что подошла прекрасная дева к нему, и он, Стах, протянул к ней руки, смахнул с неё капельки, выпил оставшиеся, слизал пересохшим от внутреннего жара языком, потонул в омуте наслаждения, погружаясь в мягкое, сильное, тяжелое и невесомое одновременно, пульсирующее страстью, тело.

Проснулись утром мужики от резкого стука в калитку. Адриан Ковалько, тот, который агитировал всех вступать в украинскую армию, тарабанил в дверь. Ярослава, накинув шаль, выскочила во двор.

– Чего шумишь? Детей разбудишь, – шикнула она.

– У тебя, похоже, не только дети тут спят. Что за родственнички к тебе понаехали? Дайка я с ними погутарю.

– Какое тебе дело до моих родственничков? Ты мне кто? Муж? Чтобы проверять, кто тут у меня спит?

– Я прислан сюда командующим первого украинского корпуса, Павлом Скоропадским, – пафосно произнес Адриан. – За этой армией будущее всей Украины! Эта армия будет тебе и муж, и царь, и бог! – продолжал языкастый парень.

Заспанный Стах вышел из бани, разбуженный шумом.

– Что шумишь? Чего надо? Кто такой? – сказал он, позевывая.

– Адриан Ковалько! – прищёлкнув каблуками отрапортовал военный. – Старший уполномоченный по мобилизации Первого Украинского корпуса.

– И что? – скрыл за зевком подступившую к горлу тревогу Стах.

– Предлагаю вам вступить добровольцем в Украинский корпус, – с прежним пафосом произнес Адриан.

– А зачем? – продолжая лениво позёвывать, сказал Стах.

– Мы создадим свою, украинскую армию! Мы станем сильными и самостоятельными! – продолжал транслировать лозунги Адриан.

– Мы – это кто? – уточнил, подошедший к ним Якуб.

– Мы – это весь украинский народ! Мы все вместе завоюем себе свободу!

– Ты у всего народа спросил? Что, все хотят воевать? Ой, сомневаюсь, – процедила сквозь зубы насторожённая Ярослава.

– А с кем вы собираетесь воевать? С немцами, поляками или русскими? – уточнил Якуб. Адриан на секунду смешался, не зная, как ответить на вопрос, затем бодро выкрикнул.

– Мы победим всех!

– А ты сам-то на фронте хоть раз был, сопляк? – недовольно пробурчал Якуб.

– Настоящие украинцы не могут быть равнодушны к судьбе своей страны, – проигнорировав вопрос, продолжал молодой оратор.

На вопросы ему отвечать явно не нравилось. Ему нравилось говорить одному, когда никто не перебивает, а только восхищённо слушает.

– Мы должны завоевать свободу! Для своих жён, матерей, для будущих поколений! – глядя поверх голов собеседников, вдохновенно говорил великолепный Адриан.

– Ты у жён и матерей спросил бы лучше, хотим мы, чтобы наши мужики воевали, – разозлилась Ярослава, не понимая пафосных речей агитатора.

– Нельзя прятаться в кусты в столь сложный исторический момент! У нас есть шанс стать свободной страной, его нельзя упускать! Объединившись, создав сильную армию, мы начнём новую жизнь! Мы не будем ни от кого зависеть!

– Понятно уже всё, хватит! – сказал Анджей, который подошёл к говорившему. – Скажи лучше вот что, это приглашение или приказ? – в голосе Анджея послышалась угроза.

Адриану стало как-то неуютно, когда три мужика обступили его со всех сторон, в их глазах он не видел ни восхищения, ни одобрения.

– Конечно, приглашение, – передёрнув плечами, словно озяб, медленно проговорил парень.

– Ну, тогда мы отказываемся от твоего приглашения, спасибо большое за оказанную честь, прощай! – язвительно сказал Анджей и начал подталкивать Адриана к выходу. Вытолкнув агитатора за калитку, Анджей весело рассмеялся.

– Ну, вот и всё! Я вас спас от длинной лекции!

Но радовался он рано. Адриан, придя в себя, вернулся обратно, уже держа в руках пистолет.

– Пожалуй, я вас арестую до выяснения обстоятельств, – с пистолетом в руке он явно чувствовал себя уверенней.

– С чего вдруг? – спросил Стах.

– Подозрительные вы какие-то! Все на фронте, а вы что тут делаете? Сапоги у вас военные и штаны тоже, только почему-то разные, вы явно не местные, выговор не тот.

– Родственники это мои! – крикнула Ярослава.

– Что-то не похожи они на тебя, родственнички эти.

– А это родственники со стороны мужа, – нашлась Ярослава.

– Значит, пока муж на фронте, ты здесь с родственниками развлекаешься?

– А тебе что за дело! – встал перед дулом пистолета Стах, закрыв собой Ярославу. – Ты только с пистолетом смелый такой?

– Что? Ты как со мной разговариваешь? – разозлился Адриан и взвёл курок.

– Тише, тише, – попытался успокоить всех Якуб. – Что шуметь, пойдём по-дружески погутарим, выпьем с тобой горилочки! Хозяйка, накрывай на стол, принимай гостя дорогого. Видишь, человек за счастье твоё ратует! Вон как старается! Грех, не накормить и не напоить такого гостя.

Ярослава, метнулась в хату, начала накрывать на стол.

Якуб вошёл в хату вместе с Адрианом, сгробастав его своими огромными ручищами, усадил его за стол, заставил выпить стакан горилки, ласково улыбаясь, налил ещё один. После третьего стакана Якуб счёл парня готовым к душевной беседе.

– Трудная у тебя работа, дружище! Набрать солдат там, где и мужиков уже не осталось! Но ты молодец, не падаешь духом! Крепкий парень! А говоришь как хорошо! Умён! Очень умён! Настоящий патриот Украины!

Адриана растрогала похвала.

– Я должен был с этого села пятерых бойцов набрать, так командир приказал, а я только двух подростков здесь завербовал, и больше некого. Меня за это с должности сместят и поставят Мишку Абрамова! И я должен буду подчиняться этому тупому козлу! Да, ни за что! Уйду из полка лучше!

– А как же патриотизм, народное единство? Мы же не должны упускать шанс сделать страну независимой!

– Да плевать мне на страну, – разоткровенничался пьяный Адриан. – Мишка у меня бабу увёл! Не буду я под его началом работать!

– Слушай, друг. Бросай ты этот корпус, найди себе бабу другую, да живи с миром, – уговаривал его Якуб.

– Как же с миром жить, если баб из-под носа уведут, – едва ворочал языком юный агитатор.

– Так убей этого Ваньку, у тебя же пистолет есть.

– Мишку, а не Ваньку! Отличная идея, брат, пойду убивать Ваньку, то есть Мишку! Или лучше убить Ваньку? – долго не мог выбрать совсем пьяный Адриан.

– Убей обоих! – предложил Якуб.

– Точно, убью обоих! Только я не понял, а кто такой Ванька?

– Неважно! – серьёзно проговорил Якуб.

– Точно, неважно. Пойду и всех троих убью! И Мишку, и Ваньку, и Мишку! – Парень решительно встал и тут же упал на топчан, уснув мёртвым пьяным сном.

Якуб вышел во двор и предложил друзьям быстро собираться, пока не очнулся агитатор. Собирать, собственно, было нечего, Ярослава приготовила им корзину с едой.

– Спасибо вам за всё! – обняла каждого Ярослава. – Уж не верила, что переживём эту зиму с детишками, а тут, как по волшебству, такая подмога появилась.

– Тебе спасибо! Выручила ты нас! Прощай! Не поминай лихом! – обнимая женщину, сказал Стах.

– Чувствую я, что будет повод вспомнить тебя, – загадочно сказала Ярослава, с сожалением разжимая объятия.

Стах, не понимая, о чём она говорит, ещё раз прижал её к себе. Вновь вчерашние видения ворвались вихрем в его затуманенный похмельем мозг, он с трудом оторвался от неё и быстро пошёл прочь, догоняя уже вышедших за калитку друзей.

9. Собрание

Вечером Ганна собрала семью за столом. Весь день никто не разговаривал друг с другом. Без Ганны в хате царило мрачное молчание, и работа не спорилась. Мать как ушла с утра на реку, так к вечеру только вернулась. Ганна выставила на стол остатки холодной еды, но никто к ней не притронулся.

– Ну, что с позором этим будем делать? – спросила Ганна.

Молодёжь молчала. Семён сжал под столом руку Орины.

– Хватит обжиматься! – резко гаркнула мать. – Иди Маринку позови, невесту свою.

Семён подскочил с лавки красный, как рак.

– Зачем, мама?

– Она невеста твоя, она должна знать. Во вранье жить нельзя. Не буду я тебя перед Мариной всю жизнь покрывать! Иди! – грозно крикнула мать.

Все молча сидели, притихшие и ошарашенные, пока Семён ходил за Мариной. Марина вбежала в хату запыхавшаяся и радостная, ни о чём не подозревая.

– Что тут у вас за собрание? – спросила она.

– Садись, – жёстко сказала Ганна.

Весёлость Маринки как рукой сняло, она тихо опустилась на лавку.

– А ты не топчись в сенях, – сказала Ганна Семёну, – надеешься, что само собой всё наладится? Давай, сам рассказывай!

– Я не могу, мам, – забубнил Семён.

– Ах, не может он, – буквально взвизгнула Ганна. – Как с девками резвиться, так ты мастер, а как за поступки свои отвечать, так в кусты? Говори! – гаркнула мать.

Семён встал со скамьи, перебирая скатерть руками. Посуда поехала со стола.

– Не тяни! – опять закричала Ганна. Орина, не выдержав, тоже поднялась.

– Да говори, что стряслось? На фронт что ли забирают? – спросила Марина.

– Ну! – угрожающе рыкнула мать.

– У нас с Ориной будет ребёнок, – наконец, выговорил Семён.

Марина вскочила, несколько секунд она молчала, оглядывала всех присутствующих, пытаясь понять, где тут подвох, затем рухнула на скамейку, захватив скатерть так резко, что посуда посыпалась на пол, и начала смеяться громко и заливисто! Отсмеявшись, сказала:

– Ну, ты, Оринка, даёшь! Два мужика у тебя теперь? Муж и ещё ... муж? – и опять начала смеяться. – И ты молодец, Семён! Ой, молодец. Я думала, ты на Сашку глаз положил, а у тебя с Оринкой любовь!

– Что? И Сашка тут замешана? – вскочила с лавки Ганна.

– Да я бы руки лучше на себя наложила, чем такой позор терпеть! – зардевшись, звенящим от напряжения голосом, сказала Саша.

– Во даёт! – улыбаясь, ответила Марина, – Да проще ребёнка задушить!

– У тебя хватило бы... Ты бы смогла задушить ребёнка? – заикаясь, пролепетала Орина.

– Да не заикайся, Оринка, рожай, не бойся. Ничего с твоим ребёнком я делать не собираюсь, я не про твоего ребёнка говорила! – весело сказала Марина.

– А про какого ты ребёнка сейчас говорила? – не зная, что ещё от них ждать, прошептала Ганна. – И ты туда же, девка, согрешила? Грех на душу взяла? До свадьбы? О, господи! Ты что, тоже беременна?

– Пока точно не знаю! – захохотала Маринка.

– Срам какой! Как в глаза людям смотреть! Как жить дальше! – остановила её Ганна.

– Пусть Семён живёт с Ориной, пусть ребёнка растят вместе! – предложила Марина.

– Я же замужем уже, как я могу с Семёном жить? – тихо сказала Орина и заплакала.

– Да ты уже с ним живёшь месяцев восемь, как минимум, судя по пузу, – Маринка опять засмеялась.

– Греховодники! Про бога забыли! Что творится в моей семье! Мужняя жена прелюбодействует, девка незамужняя грешит до свадьбы! Хлопец, как кобель, всех девок кроет! Был бы отец в доме, не допустил бы такого позора, – запричитала мать. – Что ж делать-то? Перед людьми стыдно! Как людям в глаза смотреть?

– Не до людей пока, нужно в семейных отношениях разобраться, это важнее сейчас. Пусть каждый скажет, кто кого любит, как и с кем хочет жить, – спокойно сказала Александра.

– Девчонка правильно говорит, – неожиданно выступила обычно молчавшая баба Ярина.

– Дельное предложение. – Ганна удивлённо посмотрела на Сашу и, неожиданно для себя, согласилась, перестала причитать и начала по-хозяйски решать текущую проблему. – Давайте по очереди. Семён, начинай. – мать строго посмотрела на сына, хотя необходимости в этом не было. Семён был серьёзен, таким его никто никогда не видел.

– Виноват я перед вами всеми. Простите меня. Из-за меня все эти проблемы.

Зависла пауза. Семён впервые выступал с подобной речью.

– Ты кого из них любишь, Семён? – спросила мать уже спокойно, без злости, видать, перекипела. Все девки за столом замерли.

Семён остановил взгляд на Саше, затем серьёзно ответил.

– Я их всех люблю, мама.

Маринка захохотала пуще прежнего, никак не могла остановиться!

– Правильно, Семён, молодец, пора разрушить все эти дурацкие правила и устои! Многоженство – это прекрасно! А я тогда заведу себе пять мужей!

– Марина, срамota-то какая! – остановила её Ганна. – Так, ты, Орина, чего хочешь, кого любишь? Мужа разлюбила уже?

– Я люблю Виктора и жить с ним хотела бы, и ребёнка от него хотела бы, – немного успокоившись, сказала Орина.

– Так чего ж ты с Семёном-то загуляла, если Виктора любишь? – удивилась Ганна.

– Мама, я удержаться не смогла. Виктора уже год почти дома нет, а Семён ... он такой ласковый, весёлый и красивый. Как тут устоять? – объяснила Орина.

– Что-то я не пойму, так ты Семёна любишь или Виктора? – напряжённо спросила мать.

– Я и Семёна люблю, и Виктора, – призналась Орина.

Маринка опять захохотала.

– Вот семейка! Не зря вы мне нравитесь! Все попере́к правил живут! Молодец, Оринка! Если бы не твоё пузо, была бы лучшей!

– Хватит веселиться, Марина. Про себя расскажи. Чего ты хочешь? – опять прервала её мать.

– Я вообще замуж не хочу. Меня родители заставляют, – ответила Марина.

– Молодец, Маринка! – с печи вставил слово Пашка.

– Смолкни, – огрела его полотенцем по спине Ганна и повернулась к Марине. – А как же ты жить будешь без мужа? – удивилась Ганна.

За всю жизнь не слышала она ни разу, чтоб девка замуж не хотела, да и разговоры такие про любовь никогда в её семье не велись. Обычно, как отец сказал, так и было, а тут глава семейства на фронте, а она совсем запуталась в делах своих взрослых детей.

– Я в армию хочу. Говорят, что революционеры женщин тоже берут в армию, вот и я пойду. Хочу мир посмотреть, хочу свободы! – уверенно и с воодушевлением произнесла Марина.

– Уж если Маринка в армию пойдёт, то я тоже сбегу на фронт! – вставил слово Павел.

– А если тебя убьют? Или ранят? – спросила Олеся, до этого молчавшая.

– Да пусть лучше убьют, чем гнить в этом забытом богом селе до конца жизни, горбатиться до старости на полевых работах, – уже яростно продолжила Марина.

– Ну, а ты, Семён. Что ты думаешь делать? – спросила Ганна.

– Я тоже в армию уйду. Может, там баб будет меньше. Пока девки рядом, я ни о чём больше думать не могу, – откровенно признался Семён.

– А как же мы тут будем с двумя младенцами и без мужиков. Ты подумал? Сбежать от всех проблем куда подальше и всё? – не смогла сдержать своих эмоций Ганна.

– А я виноват, что ли, мама, что натура у меня такая. Не могу я спокойно на девок смотреть. Хочу, а не получается. И хоть бы одна отказалась, все сами на меня вешаются. – Семён встретился взглядом с Сашей. – Нет, одна всё-таки есть.

– Кто есть, я не поняла? – уточнила Ганна.

– Одна отказалась, – задумчиво промолвил Семён.

Ганна подозрительно проследила за взглядом Семёна. Александра зарделась румянцем, опустила глаза.

– А мне как быть? – вступила в разговор Орина.

– Ты замужем за Виктором. Виктор придёт с войны, пусть с Семёном разбирается сам, а пока сиди в доме, не высовывайся. Соседям скажем, что уже родила, а сыну врать я не стану, и вам не позволю.

Вздых облегчения вырвался у Орины и, вдруг, перешёл в длинный протяжный стон. Семён подскочил к ней, схватил за руку, заглянул в глаза.

– Схватки, – спокойно сказала бабушка Ярина.

– Началось? – понимающе и заботливо спросил Семён у Орины. Она утвердительно качнула головой.

– Раньше времени? – спросила бабушка. Орина опять утвердительно кивнула. – Сколько месяцев?

– Восемь. Почти, – испуганно сказала Орина.

– Ничего, не бойся, выходим малыша. Семён, уведи её в спальню. Маринка, готовься, будем с тобой роды принимать, повитух в селе не осталось, – сказала Ганна.

Тут улыбка сошла с губ Марины, она побледнела, задышала громко.

– Ты чего? Ты же смелая такая, решительная? Чего испугалась? – спросила Ганна.

– Я это... Я не это, – забормотала Марина.

– Да, помощница с тебя не получится, – задумчиво проговорила Ганна.

– Я могу помочь, – уверенно произнесла Саша. – У меня отец ветеринар, я ему помогала, когда лошадь или корова не могли разродиться.

– Эта сможет, – поддержала её бабушка Ярина.

– Ну, пойдём, тихоня. Чего ещё мы о тебе не знаем? – удивлённо проговорила Ганна, провожая взглядом длинную нескладную Александру.

10. Анархисты

Анджей шёл впереди, напевая что-то. Стах и Якуб брели рядом, время от времени обмениваясь незначительными фразами. Смеркалось. Села пока ещё не было видно, и неизвестно, успеют ли они до ночи найти ночлег.

Какие-то странные звуки донеслись до их слуха. Мужчины переглянулись, остановились, прислушиваясь. Стук колёс, крики. Поляки спрыгнули в овраг и спрятались за кустами. Появилась повозка. Возница стоял на облучке, вероятно, пьяный. Непонятно было, как держался на ногах, орал неразборчиво что-то. Ещё несколько парней, перекрикивали его, развалившись на сене. Лошади пугались громких криков. Повозка то заезжала на бугор, то сваливалась в колею, но никого это не волновало, все были пьяны и веселы.

Поляки, увидев, что проезжающие не представляют опасности, вышли на дорогу.

– Тпррру! – остановил лошадь возница. – Здорово, братья! Чего за кустами прячетесь? Не бойсь, выходи, погутаим! – крикнул парень, затем, не удержав равновесия, рухнул в оставившуюся телегу. Парни стали вылезать из повозки, разминая затёкшие руки и ноги.

– А давайте тут и заночуем, – сказал один из них. – Спать будем в стогах. Богдан, разводи костёр, а ты, Валька, за водой к ручью сбегай.

– А где тут ручей? – спросил парень, которого назвали Валькой.

– Да вон там кусты в низине, наверняка там и ручей есть, – ответил худощавый невысокий возница. – А вы, мужики, помогайте дрова рубить, если хотите горячей похлёбки.

– Как тебя зовут, командир? – спросил парень Якуб.

– Я – Гаврила, но я не командир. У нас, анархистов, нет командиров! Мы все равны!

– Как так, все равны? Так бывает? – спросил Стах. – Мне показалось, что ты всеми тут командовал сейчас?

– Эх, глупые вы люди. Сейчас Валька вернётся, он вам всё объяснит про анархизм. Он у нас идейный вдох... вдох...

– Идейный вдохновитель, – подсказал подошедший с ведром воды Валентин.

– Ну, расскажи, Валентин, что у вас за идеи такие? – спросил, разламывая руками огромную ветку, Якуб.

– Хотел тебе топор предложить, но, похоже, он тебе без надобности, – сказал Гаврила, постепенно немного трезвея. – Просвети товарищей, Валёк, они какие-то тёмные.

– Да это запросто, – согласился Валька, пристраивая ведро над кострищем, которое умело подготовил Стах, расчистив место от травы и установив несколько камней. – Анархисты – это свободные люди! Они никому не подчиняются и ни от кого подчинения не требуют.

– Как же можно что-то организовать, если никто никому не подчиняется? – удивился Якуб. – Это будут беспорядочные действия – кто в лес, кто по дрова!

– Нет, это не так. Обязанности по организации можно распределить, вовсе не обязательно, чтобы один кто-то командовал.

– Свобода или смерть! – рявкнул низким голосом подошедший с несколькими брёвнами Богдан. – Мы никому не подчиняемся, и нам никто не подчиняется! Мы свободны! Анархия – мать порядка!

На Анджея все эти новые мысли организации общественного устройства и звучные лозунги произвели огромное впечатление. Он сидел у костра, замерев, и ловил каждое слово.

– А что именно вы делаете? – спросил он.

– Мы занимаемся экспроприацией! – ответил Валентин.

– Это что такое? – спросил заинтригованный Анджей.

– Экспроприация – это отчуждение имущества, – попытался объяснить Валентин.

– Воровство, что ли? – вставил слово, продолжая ломать ветки для костра, Якуб.

– Воровство – это когда себе лично берёшь, а когда для всего общества стараешься – это экспроприация, – начинал раздражаться Валентин.

– А у кого вы имущество забираете? – поинтересовался Анджей.

– Понятно, что у богатых, – поддержал беседу уже почти протрезвевший Гаврила.

– А почему вы у них забираете имущество? – заинтересовался Стах.

– Буржуи заставляют рабочих на них работать. А мы, анархисты, против того, чтобы кто-то кого-то заставлял что-то делать, – с трудом выпутывался Валентин.

– Ну, допустим, вы забрали деньги у буржуя, куда вы их деваете? – поинтересовался Якуб. – Всем людям по одному рублю раздаёте?

– Нет, конечно. Они же просто прожрут эти деньги, и ничего не изменится, – решил помочь другу Богдан.

– А куда тогда вы их деваете? – не отставал Якуб.

– Оружие покупаем! – тихо, таинственно, будто их могли подслушать, сказал Гаврила.

– А оружие зачем? – с восхищенным блеском в глазах спросил Анджей.

– Чтобы отстаивать свои интересы! Чтобы освободить всех рабочих от гнёта, чтобы бороться за свободу! – уверенность вновь вернулась к Валентину после поддержки друзей.

– А сами-то вы, анархисты, чем занимаетесь, где работаете? – уточнил Стах.

– Мы не можем работать на буржуев, этим мы только их власть укрепляем, понимаешь? – проникновенно сказал Валя.

– А на что живёте? – не мог понять Стах.

– Они же экспроприруют всё, уж на еду себе всегда смогут немного денег оставить, – с усмешкой объяснил Якуб. – Или не немножко.

– Ну что, неучи, всё поняли? А теперь, давайте горилки выпьем! – вытаскивая из телеги большую зеленоватую бутылку, предложил Гаврила.

– Сам гнал или экспропировал? – спросил Якуб ехидно.

– Говорить сначала научись, потом ехидничай, – добродушно проговорил, оглаживая рукой и с вожделием поглядывая на полную бутылку, Гаврила.

– Наливай! – согласился Анджей.

– За анархию – мать порядка! – гаркнул любимый лозунг Богдан.

Через полчаса уже трудно было понять кто из мужиков анархист, а кто нет. Все говорили лозунгами, все были друзьями. Идеологические разногласия были стёрты легко и просто бутылкой самогона. Воистину волшебная жидкость!

11. Роды

Орина обрадовалась, что, наконец, избавится от бремени, от которого она уже устала, которое начало угнетать. Девушка чувствовала себя фермой по производству детей, она сама уже никого не интересовала, все интересовались ею, как местом для вынашивания ребёнка. Сама она жила лишь ожиданием окончания этой муки, и вот, наконец, начались роды. Она обрадовалась и испугалась одновременно. Она видела, как рожала Олеся, этот опыт не добавлял оптимизма.

На мучения женщины во время родов лучше не смотреть. Роженица забывает их быстро, так уж устроена человеческая психика, какой-то хитрый механизм помогает забыть негативные переживания. Физиологический процесс, запланированный самой природой, не оставляет рубцов, так как воспринимается организмом как нечто естественное, а зритель со стороны долго помнит картины этого «страшного кино».

Схватки тянулись невыносимо долго, и когда пришло время потуг, Орина безумно устала. Равнодушие и апатия пришли на смену страстному желанию, чтобы всё быстрее закончилось. Потуги не приводили к результату, ребёнок не двигался.

– Положение плода неправильное, – поставила диагноз бабушка Ярина.

Орине было уже всё равно, она не открывала глаз, лишь завывала тоскливо при каждой новой потуге. Ганна грустно смотрела на женщину, гладила её по руке. Такие случаи обычно заканчивались летальным исходом и для роженицы, и для ребёнка, но Александра была другого мнения.

– Давайте я попробую, – вдруг, сказала она.

– Что ты попробуешь? – удивилась Ганна.

– Развернуть ребёнка, он же лежит поперёк. Нужно развернуть его ногами вперёд и тянуть за ноги, телят так иногда вытаскивают, – спокойным тоном предложила Саша.

– Ты что с ума сошла, а если голова застрянет? – изумилась Ганна.

– Потуги скоро закончатся, и тогда шансов выжить у ребёнка не останется, – чётко произнесла Саша. – А промежность рассечь можно, если голова не будет проходить.

– Сделайте хоть что-нибудь, – сказала Орина, – подышаю я. Вытащите его из меня. Хоть перед смертью спокойно вздохну один раз, не могу больше это терпеть.

– Пусть попробует, – посоветовала бабка Ярина.

Ганна долго смотрела на Орину, затем коротко кивнула Александре.

– Начинай.

– Мне нужны простыни, острый нож, горячая вода.

Ганна, молча, обречённо глядя в никуда, подготовила всё это.

– Дайте ей горилки, – приказала Саша.

Глаза Ганны изумлённо расширились, но приказание мать выполнила без споров.

– Перенесём её на стол! – последовал новый приказ. Забежал бледный, измученный ожиданием Семён и перенёс Орину.

– Останься, поможешь, – сказала Семёну Саша, – мой руки.

Александра засунула руку куда-то внутрь Орины, резко сказала Семёну:

– Держи её за плечи. Да не так. Прижми её всем телом к столу, руками схватись за столешницу.

Александра сделала мягкое, но сильное движение, Орина дёрнулась и закричала.

– Теперь надави предплечьем на верхнюю часть живота и сдвигай руку медленно вниз, как будто выдавливаешь. Сильней! – крикнула она. – Подайте нож. Пашка! Подавай полотенца! – она рассекла живую плоть, Орина уже не реагировала. – Ганна, поговорите с ней, полейте лицо водой! Дайте ей ещё горилки!

Саша тянула ребёнка за ножки, Семён выдавливал плод, навалившись предплечьем на живот.

– Угровишь дитя! – крикнула Ганна.

– Дави, Семён, не слушай её! – резко выпалила Саша.

Саша ещё углубила разрез, и, наконец, плод вышел и, как ни странно, сразу закричал.

– Мальчик, – сказала Саша, передала окровавленного ребёнка Ганне. – Пашка, иглу и нитку из жилы тащи.

Ожидая выполнения приказа, девушка подошла к лавке, взяла бутылку горилки, выпила глоток, затем помыла руки, и облила их из той же бутылки.

– Держи её крепко, – сказала она Семёну и полила горилкой на место разреза.

Орина уже не шевелилась. Саша взяла иглу и стала зашивать рассечённую плоть, как заправский скорняк, будто делала это каждое утро.

А на дворе и так уже было утро. Закончив операцию, Саша присела на крыльцо, переминая в руках окровавленное полотенце. Орине приложили к груди ребёнка, и он сразу же принялся сосать, умело и настойчиво, чмокая. Ганна вымыла избу, села рядом с Сашей. Саша вдруг разрыдалась, как маленькая, и уткнулась Ганне в плечо, она, по сути, и была ещё маленькой наивной девочкой.

Солнце вставало. Начинался новый день, а вместе с ним начиналась ещё одна новая жизнь.

12. Дорога

Анджей уехал с анархистами. Понравилась ему их уверенность, свобода; открылась перспектива какой-то новой, неведомой жизни. Возможность попасть домой с каждым днём представлялась всё более призрачной, так как Австро-Венгры наступали, и линия фронта продвигалась вглубь России. Анджей бросился навстречу неизведанному, с малознакомыми людьми, сам не понимая, куда и зачем идёт, увлечённый волной авантюризма и сомнительной романтики. Неожиданно свела судьба Анджея со Стахом и Якубом, потом внезапно развела. Увидятся ли они ещё когда-нибудь? Неизвестно.

Стах и Якуб же упорно стремились к дому, у них не было никаких идей, как перейти линию фронта, и даже если они смогут это сделать, трудно даже предположить, как встретят их на родине. Сейчас их села заняла австрийская армия, а они являются солдатами русского войска, то есть врагами, но и здесь, на территории России, они были преступниками, сбежавшими из-под стражи. И там, и здесь они были чужими. Такие мрачные мысли одолевали их. Они шли по дороге, отстранённо наблюдая за жизнью, занятые бесплодными попытками найти выход из безвыходного положения. Враги для всех, чужие в своей стране, предатели и преступники. Думали ли когда-нибудь эти простые крестьяне, что окажутся в таком положении?

Шли Якуб и Стах от села к селу, почти не разговаривая, уже ни на что не надеясь. Питались, чем бог пошлёт. То подаст кто-нибудь, то на работу наймутся, а порой и воровать приходилось.

Время от времени по дороге, направляясь к линии фронта, проезжали повозки, груженные провиантом, следом гнали гурты скота, тоже предназначавшегося для питания армии, но в основном, на телегах, на грузовиках к фронту везли ящики с патронами и снарядами. Проходили отряды новобранцев.

А обратно ехали вереницы подвод с ранеными, искалеченными бойцами. Будто какой-то монстр поглощает людей, продукты, снаряды, а выплёвывает отработанный, ненужный фарш. Вся страна живёт, чтобы только прокормить этого ненасытного великана. Всё новые и новые отряды бойцов, оружие, продовольствие, но ему всё мало, аппетит увеличивается, люди – лишь пища для этого великого монстра под названием Война. Трудно представить, что от одного приказа, отданного правительством, вся жизнь целой страны кардинально изменилась, подобно тому, как круги на воде уходят бесконечно далеко от единственного брошенного камня.

Иногда на дороге встречаются группы испуганных людей: женщин, детей, в последний миг под пулями покидающие свои жилища, а порой и совсем странные картины предстают перед глазами. Не обращая внимания на звуки боя, на снаряды, которые взрываются совсем близко, крестьяне, всего в нескольких верстах от линии фронта, продолжают убирать урожай. Даже если люди уцелеют от пуль, они могут умереть от голода.

Над всеми этими «кругами на воде» летает аэроплан, вероятно, производящий разведку, но он кажется отстранённым, будто не от мира сего, живущий по каким-то своим законам, среди медленно плывущих мягких облаков безмятежных и равнодушных к человеческой суете, к человеческой жизни и смерти, как, наверное, равнодушен и камень, от которого пошли круги по воде.

Якуб и Стах подошли совсем близко к линии фронта. Уже слышен свист пуль, не только взрывы снарядов. Тонкий писк шрапнели, эффектно взрывающейся в высоте. Отбивают дробь пулемёты, трещат ружья. А вот совсем низко разорвалась шрапнель с визгом и глухим треском, осыпая осколками и пулями большой участок земли. Жуткая музыка войны. Наш ненасытный монстр ещё и музыкант, оказывается.

Перейти на ту сторону фронта даже ночью не представляется возможным, прожектора освещают разделительную полосу. Если попасть в этот луч –выстрелят, причём и те, и другие. Если схватят в расположении частей, примут за вражеских разведчиков. Стах и Якуб идут дальше по дороге, то удаляясь, то приближаясь к линии фронта, не имея чёткого плана, надеясь лишь на счастливую случайность, потеряв счёт не только часам, но и дням. Как загнанные зверьки, прячутся от каждого встречного, от телег, от грузовиков. Взрывы их так не пугают, к взрывам они привыкли. Люди страшнее.

13. Саша

Жизнь Саши изменилась после того, как она спасла Орину. Ганна стала прислушиваться к её мнению, советоваться с ней. Орина была благодарна Александре и предложила быть крёстной мамой её ребёнку.

Орина и Олеся занимались теперь, в основном, детьми. Ганна как-то сдала, не то чтобы болела сильно, но энергии у неё, будто, стало меньше. Постарела, осунулась, а с другой стороны – стала мягче, спокойней. Теперь многие решения в семье принимала Саша, мать лишь озвучивала их для всех. И Ганна позволила себе немного расслабиться, переложив часть ответственности на Сашины плечи.

Семён присмирел, затих немного, но лишь на время. Его жизнерадостная натура не позволяла ему надолго задумываться над проблемами, и вскоре, вновь на лице его засияла улыбка, походка опять стала то ли танцующей, то ли подпрыгивающей, опять зазвучали шутки и смех.

Маринка перестала к ним заходить, но Семён навещал её, выманивал из дома и увозил куда-то время от времени. Ганна ругалась на него, когда тот пропадал надолго. Семён в ответ начинал требовать отпустить его на войну. Договориться у них не получалось, но, вероятно, Семён не так уж сильно мечтал об армии, иначе, вряд ли бы кто-то смог удержать его.

К ребёнку Семён относился очень трепетно и ласково, помогал Орине, нянчился, стирал пелёнки. Он всех успевал одаривать своим вниманием, кроме Саши. К ней относился почти-тельно и осторожно, не шутил, не балагурил, обсуждал серьёзно хозяйственные вопросы и всё. А Саша вздрагивала от его случайных прикосновений во время совместной работы, замирала, услышав его голос, начинала заикаться, когда он спрашивал что-то и смотрел на неё, ожидая ответа.

Саша не могла понять, что с ней происходит, её бесила легкомысленность и бесшабашность Семёна, его «всеядность» по отношению к женщинам, лёгкость в вопросах морали, но что-то притягивало Сашу к нему. Она сопротивлялась, боролась с собой, злилась и ненавидела себя за это, но сделать ничего не могла. Это притяжение было сильнее её воли. Работа отвлекала Александру от мыслей о Семёне, и девушка старалась загрузить себя делами до предела, работала с рассвета до заката, не давая себе поблажек.

Бабушка останавливала её, порой, принося то кружку молока, то яблоко. Саше нравилась эта тихая, почти безмолвная старушка, которая круглый год ходила босиком, не взирая на погоду, была такой чистой и опрятной, что можно было подумать, что она только что надела свой белоснежный передник. Бабушка была бодрой и активной, глаза светились тихим теплом, она мягко улыбалась, её зубы были безупречными, белыми и ровными, и лишь кожа выдавала возраст. Её кожа была похожа на кору огромного ореха, который рос во дворе, он-то и привлёк, притянул Сашу в этот дом тем тёплым осенним днём, когда та впервые вошла в село.

Это старое, мудрое дерево Саша и любила, и ненавидела одновременно, как и Семёна. И в том, и в другом было что-то общее, какая-то неиссякаемая жизненная сила, радость, любвеобильность и красота, перед которой невозможно было устоять. Обнимая своими ветвями, орех укрывал и дом, и двор, и всех, кто жил там, одаривал орехами, не скупясь, раздавая силы и любовь через плоды всем, кто подходил к нему. Казалось, что орехи не кончатся никогда. Их собирали, ели, складывали на зиму, раздавали соседям, а они всё сыпались и сыпались. Уже выпал снег, орехи падали беззвучно, зарывались в белые хлопья, снежинки быстро прикрывали образовавшуюся норку. Бабушка в белом переднике, неслышно ступая босыми ногами, улыбаясь всё понимающей и всепрощающей улыбкой, собирала орехи в передник, затем подходила к огромному стволу и поглаживала его сморщенной коричневой рукой. И казалось, что родные души встретились: рука и кора, так они были похожи. Саше представилось, вдруг, что

это она, много лет спустя, старая и сморщенная, гладит ствол. Всё изменилось, состарилось вокруг, и только орех остался прежним, он – хранитель вечности, хранитель жизни.

Саша вздрогнула, почувствовав, что кто-то подошёл к ней тихо. Это был Семён. Подобрался неслышно, протянул Саше горсть очищенных орехов.

14. Станция

Якуб и Стах подошли к железнодорожной станции. Здесь народу было много, и мужики могли, смешавшись с толпой, побродить немного среди людей, послушать разговоры, найти какую-нибудь нормальную еду. От диких фруктов, растущих повсюду вдоль дорог, у них уже сводило животы.

На станции кипела бурная деятельность: разгружали вагоны, ящики с патронами ставили на подъезжающие подводы. Прибыл эшелон с новобранцами. Крестьяне всех возрастов, оторванные от своих привычных дел, выглядели растерянными, но старались держаться бодро. Новый отряд из местных жителей присоединился к общей колонне.

Женщины, провожавшие молоденьких новичков, рыдали и хватали их за руки. Чтобы навести порядок, военные были вынуждены оттащить нескольких баб в здание вокзала, так как на уговоры те не поддавались. Наконец, колонна тронулась, и взгляду открылось огромное пространство железнодорожной развязки, заполненное пустыми составами.

Поезда замерли, открыв зияющие рты – ворота грузовых вагонов и маленькие зевы пассажирских. Множество пустых вагонов скопилось на запасных путях, но отправить их не было возможности. Дело в том, что подъезды к прифронтовым областям были организованы хорошо, а об обратном движении думали мало, когда готовились к войне, это и привело к жуткому кризису в железнодорожном сообщении. Все крупные узлы были перегружены, буквально заполнены пустыми составами, поезда с грузами прибывали со всей страны в прифронтовую область. Других направлений во время войны просто не существовало. Казалось бы, логично предоставлять приоритетный проезд составам с боеприпасами, но постепенно пустые составы стали настолько большой помехой, что почти полностью блокировали движение.

Всё это, и отряды новобранцев, и разгрузка вагонов, и даже обозы раненых, не произвели на Стаха и Якуба удручающего впечатления. Всё было организовано. Люди работали, занимались важным делом, ругались, покрикивали. Жили. Даже рыдающие бабы, провожавшие своих сынов на фронт, вписывались в общую картину. Поразило наших путников другое. Беженцы. Они сидели кучками в здании вокзала, подолгу ожидая отправки поезда. Взгляды женщин и детей, а также инвалидов, были затравленными и безжизненными. Взрослых здоровых мужчин среди них не было. Эти люди потеряли свой дом, свои поля, работу, некоторые из них и части своих тел, а главное – надежду на будущее. Раненые и врачи в вагонах с красными крестами боролись за жизнь. А эти уже нет.

Стах подобрал упавшую с подводы и растоптанную армейскими сапогами булку хлеба и вместе с Якубом поспешил уйти со станции. Здоровые мужики в штатском выглядели странно на фоне раненых и беженцев. Они, порой, уже сожалели, что не искалечены, тогда бы им легче было найти место в этом мире.

15. Маринка

Как-то утром у ворот остановилась повозка, кто-то в сапогах и шинели вбежал на крыльцо и остановился. Это была Марина.

– Здравствуйте, товарищи! – громко сказала она.

Семён чуть с крыши не свалился, он там печную трубу ремонтировал. Все выскочили на крыльцо кто откуда: из дома, из сараев, и окружили пришедшую к ним гостью.

– Что это ты как мужик оделась? – удивлённо рассматривая Марину, спросил Семён.

– Я с товарищами анархистами пойду строить новый мир, – радостно произнесла Марина.

– Это с какими товарищами? Сразу с несколькими? – мысли Семёна работали только в одном направлении.

– Мы создадим коммуны! Все будут равны! Всё будет общее! – воодушевлённо рассказывала девушка.

– И бабы общие? – опять осадил её Семён.

Во двор вошли несколько парней, которые приехали на повозке вместе с Мариной. Первым шёл Анджей, за ним его новые товарищи Богдан, Валентин и Гаврила.

– Баба – не вещь, – уверенно сказал Анджей. Он был горд, что смог быстро разобраться в теоретических основах анархизма, наслаждался этим, используя новые знания. – Баба не может никому принадлежать!

– Это на него ты меня променяла? – с укоризной спросил Сёма. Выглядел он в этот момент так, будто его предали, растоптали его светлые чувства. Только пелёнки, которые трепетали на верёвке за его спиной, напоминали о реалиях.

– Ты ничего не забыл, Семён? – Марина кивнула на выходящую из дома Орину, с ребёнком на руках.

– Ты же не знаешь этих парней, Марина, – быстро сменил тон Семён, – это опасно. Известно, что они за люди. Кругом война. Куда ты собралась?

– А что, в хате всю жизнь сидеть? Здесь я заранее знаю, что будет через год, через пять, через десять. Веками ничего не меняется. Думала, власть сменилась, хоть что-то и у нас произойдёт. Нет! Всё тоже! Пашешь, как лошадь, упала, проснулась, опять пашешь. И люди всё одни и те же, и говорят об одном и том же, а если замуж вышла, ещё хуже. Родила, покормила, опять забеременела, и так всю жизнь, пока в старуху не превратишься. Лучше убьют пусть где-нибудь. Хоть день прожить без скуки!

– Жалеть потом будешь, дурёха. – вступила в разговор Ганна. Но всем уже было понятно, что её не переубедишь.

– А вы, парни, не могли себе мужиков для компании найти? Девчонку уговорили? – завёлся Семён, – Не отдам я вам её. Семён скинул тужурку и засучил рукава.

Маринка рассмеялась, любуясь парнями, которые собрались за неё драться.

Анджей скинул шапку и вплотную подошёл к Семёну. Сашка взяла вилы и встала рядом с парнями. Маринка рассмеялась пуще прежнего.

– Ой, гляди, какая у тебя защитница!

– Отойди, Александра, не позорь меня, – еле сдерживаясь, сквозь зубы проговорил расвишневший Семён.

– Их трое, а ты один, – спокойно ответила Саша.

– Не дам смертоубийство у меня во дворе устраивать, – встала меж ними Ганна. – Давайте за стол сядем, да обговорим всё спокойно. Горилки налью, расскажете, откуда идёте, что видели в дороге, кого встречали, что в мире происходит. А то мы, правда, как в норе живём, ничего не видим, ничего не знаем. Александра, опусти, негоже на гостей с вилами.

– Правильно, хозяйка, – поддержал её Гаврила, – мы вам не враги. Мы с теми, кто власть, да богатство хотят захватить, бороться будем, а вас защищать надо. Вы такие же, как мы, крестьяне.

– А за себя я сама решу, Семён, без тебя, – ласково сказала Марина всё ещё агрессивно настроенному Семёну. – Но за защиту спасибо.

В доме расселись по лавкам. Ганна достала горилку. Орина вытащила чугунок из печи.

– Интересуешься, хозяйка, кого встретили по дороге? Да кого тут встретишь? То обоз с патронами на фронт идёт, то новобранцы тоже в сторону фронта, а обратно только раненых везут. Вон Анджея с друзьями встретили недавно. С плена сбежал.

– Ты поляк, Анджей, по выговору слышу. С какого ты села? – спросила Саша, которая несколько месяцев не получала от родных весточки.

– Я с Подгайцев, – ответил Анджей.

– А я с Рованцев, мы соседи! – обрадовалась Саша. – Что там сейчас у нас?

– Я уже несколько месяцев новостей не получал.

– Так ты у немцев в плену был?

– Нет, у русских, – ответил Анджей на новый вопрос Саши.

– Ты за немцев воевал?

– Нет. За русских. Я стрелять отказался. Вести пришли, что батьку моего и других односельчан австрийки завербовали в армию. Я в своих стрелять не стал. Русские меня вместе с пленными австрийцами заперли. Не только меня. Там ещё двое поляков было. Один тоже с Рованцев, кстати. Стахом зовут.

– Стахом? – подскочила Саша. – А фамилию знаешь?

– Нет, не спрашивал.

– А какой он из себя?

– Да, как ты, почти, только старый.

Саша поднялась с лавки.

– Ты что? – спросила Ганна.

– Так это батька мой, наверное. Где он сейчас?

– Мы вместе бежали из плена, решили в сторону Польши идти, но я вот товарищей анархистов встретил, запали в душу их речи, и расстался я с солдатами Стахом и Якубом. Пошли разными дорогами. Где они теперь, я не знаю.

– Жив, батька мой, уже хорошо, – прошептала Саша.

– Может, бог даст, свидитесь ещё, – сказал Анджей.

– Что за вера у вас такая странная? – спросила Ганна.

– Да не вера это, мать, – ответил Гаврила. – По вере мы христиане, как и вы.

– А как же девку берёте, не венчаясь? – уточнила взволнованная Ганна.

– Да никто её не берёт, она сама едет, куда хочет, – пытался втолковать Анджей.

– А мамка с батькой отпустили не уж-то? – не могла разобраться Ганна.

– Да что я – маленькая? У мамки спрашивать, куда идти? – возмутилась Маринка. – Я свободный человек!

– А вдруг обидит кто? – не унималась мать.

– Что может хуже, чем жить здесь? Заниматься ненавистной работой? Здесь меня не обижают? Семён на Орину променял. Батька из дома совсем теперь не выпускает, мать всю домашнюю работу на меня свалила. Каторга, а не жизнь.

– А я подумал, что разлюбила ты меня, – улыбнулся Семён, – сердисься, значит, ещё любишь.

Маринка взглянула на раскрасневшегося Анджея, стройного, высокого красавца, с большими карими глазами, с прямым носом, кудрявыми тёмными волосами, брови вразлёт. Срав-

нила с Семёном. Не такой яркий, но до боли родной и милый. Марина остановила себя, не давая себе углубиться в эту тему, откинула за спину косы и вновь начала увлечённо говорить.

– Мы создадим новое общество для всех. Мы будем жить счастливо и свободно. Все люди будут братья и будут любить друг друга. Всё будет общее. Никто никому не будет завидовать, ни у кого не будет врагов!

– Маринка! – вдруг раздалось со двора, – Ты здесь? Куда бежать вздумала?

– Это батька мой! – взвизгнула Маринка, – Бежим скорей! – она схватила Анджея за руку и побежала из хаты. Парни спохватились, вскочили, на ходу допивая горилку, побежали следом.

– Во девка! Огонь! – воскликнул Богдан, – Да за такой хоть куда пойдёшь, отца родного продашь!

Парни выскочили из хаты, перемахнули через плетень. Маринка прошмыгнула мимо разинувшего от удивления рот отца.

– Я не вернусь, батька! Не поминайте лихом! – крикнула Марина, запрыгивая в повозку на ходу. Парни подхватили её, и повозка понеслась, а вслед ещё долго неслись проклятья Мариного отца, который пытался догнать телегу, да подбадривающие крики подростка Пашки: «Давай, Маринка, молодец!»

– Вернётся, – тихо напороочила бабушка, поглаживая ствол ореха. – Ещё вернётся.

16. Перемирие

Якуб и Стах плелись по дороге. Они потеряли счёт дням и часам, спали то в стоге сена, то в чьём-то сарае. Еду воровали или выкапывали остатки овощей на убранных полях. Одежда порвалась и испачкалась, волосы и бороды отрасли, оба кашляли. Рваная обувь не просыхала. Появлялись мысли сдать русским или австрийцам, сил уже не было, и не понятно было, куда нужно идти.

Смеркалось. Поляки искали стог сена, чтобы отдохнуть. Увидели в поле группу людей, сидящих у костра. Ночь была холодной, шёл снег. Стах и Якуб решили подойти попросить еды. Риск умереть от голода и холода был больше, чем риск быть схваченными или убитыми.

– Вечер добрый, братья, – осторожно начал Стах.

– Здорово, коль не шутите, – ответили мужики, сидевшие у костра, одетые в солдатские шинели русской армии, но без оружия.

– Позвольте погреться у костра, – еле шевеля замёрзшими губами, произнёс Якуб.

– Садитесь, места в поле много, – пошутили мужики.

Якуб и Стах уселись у костра. Солдаты с недоумением их рассматривали. Штаны и сапоги солдатские, рубахи и зипуны крестьянские. Заросшие, оборванные, грязные.

– Откуда и куда путь держите, – спросил рыжий мужик, сидевший рядом со Стахом.

Стах и Якуб переглянулись, не зная, что говорить. Надоело бежать куда-то, врать всем, скрываться, и Стах решился.

– Сбежали мы из-под ареста, – откровенно признался он. – Теперь не знаем куда податься. Русские опять закуют или расстреляют за то, что сбежали, а австрийки расстреляют за то, что в русской армии служили. Вот и не знаем, куда нам теперь деться, везде мы преступники.

– А что такого натворили? За что арестовали вас? – поинтересовался рыжий.

– Стрелять отказались. Слух прошёл, что земляков, родичей наших австрийки в армию завербовали. В своих стрелять мы не захотели, – объяснил Стах.

– Если захотите нас сдать под стражу, мы сопротивляться не будем, – обречённо вздохнув, сказал Якуб. – Устали мы в бегах быть.

Солдаты переглянулись.

– И долго вы уже в бегах? – спросил усатый солдат с трубкой.

– Третий месяц, примерно. Со счёта уже сбились, – объяснил Якуб.

– Да уж, долгонько. Как медведи в лесу живёте, ничего не видите, ничего не знаете. Идите уже домой, хватит болтаться по свету. – Проговорил пожилой мужчина с лысиной.

– Как же мы вернёмся? Мы же с Польши. Там линия фронта. Мы пробовали, не пройти там. Прожектора даже ночью светят то и дело. Стреляют и те, и эти, – безрадостно сказал Якуб.

– Да не стреляет уже никто. Перемирие объявили, – весело объявил рыжий.

– Перемирие? – не поверил Стах.

– Русские с немцами, венграми и австрийцами переговоры ведут, – подтвердил рыжий.

– А УНР запротивилась, с Антантой хочет договориться сама, – пояснил лысый.

– Кто запротивился? – не понял Стах.

– Ну, вы совсем медведями стали. Правительство сменилось. Временное правительство свергли, теперь мы от России отделились и создали Украинскую народную республику, – объяснил лысый.

– И кто теперь правит? – не мог прийти в себя Стах.

– В России совет народных депутатов, а у нас Центральная Рада, – серьёзно, как учитель, рассказывал Лысый.

– А вы, значит, сейчас не воюете? – спросил Якуб.

– Там такие дела разворачиваются! – увлечённо перехватил инициативу Рыжий. – Наш главнокомандующий Петлюра ихнему, русскому главнокомандующему позвонил и прямо так и говорит: «Не подчиняется теперь Украина вашей ставке! У нас теперь своя жизнь, а у вас – своя!». Нету теперь Румынского и Юго-западного фронта, а есть самостоятельный Украинский фронт! И генерал у нас теперь свой! Щербачёв его фамилия!

– Так Щербачёв Румынским фронтом раньше командовал, – не поверил Стах.

– А теперь всей Украинской армией. И русским он не подчиняется, а подчиняется Центральной Раде.

– Ну, и чему ты радуешься, дурень, – остановил его Лысый.

– Так как же, Украина теперь ни под кем не ходит, сама по себе теперь, – обиделся Рыжий.

– Русские о мире договариваются, а Рада нас хочет заставить воевать дальше. Ты домой хочешь или нет? – спросил Рыжего пожилой солдат.

– Хочу.

– Так что толку в свободной Украине, если всё равно на войне сдохнем. По мне, так без разницы, кто главный, важнее, чтоб домой отпустили.

– Вот, опять за своё. Люди вас о деле спрашивают, а вы снова ругаетесь, – сказал, молчавший до сих пор, угрюмый бородатый мужик с курчавыми чёрными волосами и лохматыми бровями. – Сейчас все стремятся скорее по домам разойтись, а Рада мешает прекращению войны. Солдаты прямо с оружием в руках домой уходят, – умный бородач подробно так всё по полочкам разложил, что даже Стах с Якубом поверили.

– Значит, нас теперь никто не схватит? – не мог поверить такому счастью Стах.

– И воевать не придётся больше? – Якуб забыл и про голод, и про мороз, бросился обниматься на радостях со всеми мужиками.

– Похлёбку будешь? – оттолкнул, совсем обезумевшего от радости, Якуба Бородатый.

При виде похлёбки разум вернулся к Якубу вместе с чувством голода, он схватил предложенные миску и ложку и забыл про всё, и про войну, и про холод.

Переночевали у костра, а утром Стах и Якуб, расспросив мужиков, как лучше им идти, отправились в путь, впервые за несколько месяцев радостные и спокойные, с надеждой на счастье.

17. Надежда на счастье

Я опять проснулась ночью, хоть и устала смертельно. Работала вес день без роздыху, вечером упала в постель и мгновенно уснула, а сейчас, посреди ночи проснулась, и не спится больше. Полежала, надеясь, что усну, но сон не шёл. Встала, тихонько оделась, вышла во двор.

Всё, вроде, у меня хорошо: работаю, еды здесь на всех хватает. До весны доживу, а там и домой можно будет вернуться, если линия фронта сдвинется. Можно будет, наконец, вырастить урожай и без голода пережить следующую зиму дома. А потом? Потом опять то же самое: надежда на урожай, длинная зима. Зима почему-то всегда кажется длинной. Соскучилась по дому, поэтому, наверное, не спится. И вдруг, защемило сердце, как представила, что уйду отсюда и больше никогда не вернусь. Прижалась к огромному тёплому стволу ореха, с силой обхватила его руками, будто оторвать кто меня хочет.

«Что меня держит здесь? Почему я так боюсь покинуть это место. Уж не из-за ореха же», – так рассуждала я. – «Здесь у каждого своя жизнь. Орина, Олеся и Семён растят детей. Ганна и бабушка занимаются домом и помогают с внуками. А я, Саша, здесь причём? Почему всё, что здесь происходит, кажется мне таким родным, таким важным? Семён», – наконец призналась я сама себе. – «О нём я всегда думаю, о нём мечтаю. Меня раздражает в нём всё: вечная весёлость, неуместные бесконечные шутки, любвеобильность, ласковость, так почему он ласков со всеми, но не со мной? Он всех успевает приобнять, погладить, похлопать, со всеми пошутить, кроме меня. Меня он избегает. Настолько не нравлюсь я ему, настолько противна, что даже дружеской улыбки не заслуживаю? Со мной он всегда строг и серьёзен. Чем я хуже остальных баб? Он брезгует ко мне прикоснуться. Худая я и страшная, сердитая и неприветливая, неразговорчивая, непривлекательная. За что меня любить?» – терзала я себя вопросами. – «Вот и сейчас, он, наверное, подполз под бок к очередной бабе», – продолжала злиться на весь мир я. – «Но, если Семён так меня раздражает, почему же я всё время думаю о нём? Ненавижу, поэтому и думаю. Ненависть – сильная эмоция, отделаться от неё трудно, ну почему так заклинило меня? Думаю об одном и том же бесконечно, ни есть, ни спать не могу. Ну, правильно, в селе мужиков молодых больше нет. Вот вернутся все с войны, и всё сразу изменится. Полюблю я какого-нибудь красавца, выйду замуж. А почему, собственно, красавца? Сама я страшная, вряд ли кому-нибудь понравлюсь. Вон Семён на меня никогда даже не смотрит, в сторону сворачивает при встрече, лишь бы не видеть, лишь бы не столкнуться случайно. Опять Семён! Сколько можно!» – Я подошла к колодцу, зачерпнула холодной воды, умылась, чтобы избавиться от этого наваждения. Ушла в избу и до утра пролежала с открытыми глазами, борясь сама с собой, уговаривая себя не думать о ненавистном Семёне, обращаясь к своему разуму. Всё бесполезно, бесперспективно, и никакой надежды на счастье.

Пришло утро. Все занялись делами по хозяйству, дружно работают, а я чувствую себя такой одинокой. Они все, то ругаются друг с другом, то сплетничают о ком-то, то мирятся, то смеются, а со мной ничего ни у кого не происходит. Все относятся ко мне уважительно, ровно, с почтением, выполняют мои просьбы, слушают мои советы, но я-то чувствую себя неживой в этой атмосфере, я будто отдельно от всех этих людей.

«Что, ты хотела бы с ними ругаться или сплетничать?», – спрашиваю себя я, – «Нет, бытовые разборки мне не интересны. Но, с другой стороны, может быть, было бы лучше, если бы накричал кто-нибудь, невыносимо слушать эти равнодушные фразы: «Да, Саша», «хорошо, Саша», «ты права, Саша». Ненавижу их всех! Вот опять идёт Семён вместе с Ориной. Хохо-чут!! Меня увидел, смолк».

- Доброе утро, Саша, – серьёзно сказал, не глядя на меня. Бесит. Ровно, спокойно, никак.
- Ножи не наточены, – говорю я вместо приветствия, – Невозможно пользоваться!
- Хорошо, Саша, я сейчас наточу, подавив эмоции, холодно и спокойно отвечает Семён.

«Чтобы ещё такого сказать, как вывести его из этого равновесия?», – злые мысли у меня. – «Почему я стала такой злой, раньше мне и в голову не пришло бы специально кого-нибудь доводить».

– И заслонка в печи плохо двигается, – снова делаю замечание я.

– Я же вчера её выправил, нормально двигалась, – опять спокойно отвечает Семён.

– А сегодня опять заедает, – уже не знаю к чему ещё придаться.

– Не с той ноги встала? – с улыбкой спрашивает Орина.

– Пусть делает всё нормально, тогда любая нога той будет, – огрызнулась я. Орина только благодушно покачала головой.

«Портится характер у девки. С чего бы это? Молодая ещё», – подумала Ганна, слышавшая весь этот разговор. – «Скрытная она такая, эта Саша. Не поймёшь, что у неё на уме. Самой ведь тяжело так жить, но нет, ни с кем не поделится переживаниями».

Орех был у меня «доверенным лицом». Всё, молча, выслушает, лишь ветвями поскрипит немного.

«Вернулась Маринка. Сколько её не было? Месяц? Худая, злая, мрачная. Что с ней было – никому не рассказывает, даже Семёна на порог не пускает. Сидит дома, не выходит, про анархистов и слушать не хочет. Обидели, может? Или прогнали? Да что гадать, время пройдёт, расскажет. Что же все бабы такие несчастные? Оринка боится возвращения мужа, Маринка непонятно почему злая такая, Ганна волнуется за сыновей – нет никаких вестей давно, у Олеси ребёнок болеет. У них повод есть, а я чего страдаю?», – я пыталась разобраться в себе. Никакая работа не могла уже заглушить эту тоску.

18. Линия фронта

Якуб и Стах дошли до линии фронта, нигде не стреляли, людей вокруг не было видно. Они шли, шли и чуть в окоп не упали. Снег прикрыл следы взрывов, припорошил окоп. Справа в окопе раздавались голоса, Стах и Якуб подошли ближе. Несколько солдат и офицер курили, сидя на ящиках из-под патронов. Что-то покорило Стаха, он даже не понял сразу, что именно, но чуть позже осознал – среди солдат были австрийцы, в форме, с оружием. Якуб попросил закурить. Когда австриец, сидевший ближе всех, встал, Стах напряжился, ему показалось, что тот сейчас возьмёт винтовку, но ничего не случилось. Русские усмехнулись, видя испуг Стаха, хотя там были не только русские, но и поляки, и украинцы. Офицер переводил те фразы, которые солдатам были непонятны, хотя, в основном, все понимали друг друга без перевода. И австрийцы, и русские немного говорили на языке противника. Хотя противником сложно назвать человека, с которым куришь в окопе и пьёшь чай из одной кружки. Вот оно какое – перемирие!

– А как долго перемирие будет продолжаться? – спросил Стах.

– Не знаю, – ответил офицер. – Русские предложили Антанте заключить мир, оставив довоенные границы, а немцы не соглашаются. А тут ещё Украинцы хотят сами по поводу своих территорий договариваться, а немцы им: «Не знаем мы никакой Украинской Народной Республики. Что за страна такая?» На войне как? У кого есть армия, того и уважают, а у нас весь наш, так называемый украинский фронт, разбежался. Надоело народу воевать, не хотят ждать.

– Да, это в начале войны молодёжь на фронт рвалась, а как пожилые в окопах без воды, без постели, так расхотели воевать, – сказал украинец с перевязанной рукой.

– Ну, ты сказал, постель! Тут о кровати уже и не мечтаешь! Крысы ходят полчищами! Вши да блохи! – поддержал его русский солдат.

– Да, мы думали, что винтовку возьмём и бегом на врага. Быстро всех постреляем и домой. Кто ж знал, что в окопах годами будем жить? Никакой романтики, никакого героизма. Убьют тебя или нет, от твоей смелости или силы не зависит. Шрапнель не разбирает, куда летит. Ох, как я этот звук ненавижу, свистит, визжит, сволочь, всю душу вынимает.

Говорят, на некоторых фронтах немцы газ пустили! – включился в беседу поляк.

Он был без шинели – плечо и грудь были перевязаны, а поверх повязки какая-то шаль накинута. Было непонятно из какой он армии, но сейчас это было не важно, здесь все были пострадавшими, не было врагов, даже сложно было представить, что эти люди ещё недавно стреляли друг в друга.

– Если бы нам вовремя сказали про перемирие, у нас бы руки целы были. В последний момент ранило. Так обидно! – сказал австриец почти с такой же повязкой на руке, как у поляка.

– А что, все австрийцы украинский знают? – поинтересовался Стах.

– Так у нас рядом украинский легион был, и поляков много. Украинский с польским схожи! За четыре года войны выучили. Вот это и есть, наверное, единственная польза – язык выучили, – пошутил австриец.

– А мне интересно, что ж теперь с Украиной будет? Говорят, что Антанта украинцам предлагает с ней в союзе быть, а немцы на свою сторону перетягивают? – спросил украинец.

– А зачем Германии Украина? – не понял Стах.

– Так как же, без Украины Россия не такая большая и сильная будет. Не такая страшная, – объяснил офицер, – Кому нужна сильная держава под боком? Лучше разделить и ослабить.

– А я слышал, что Украина хочет свои земли сдать врагам, лишь бы от России уйти, – сказал поляк. – Есть такой «Союз вызволения Украины». Они что предлагают? Пусть, говорят, сначала Украину оккупируют, а потом независимость Украине вернут.

– Да, я тоже такое слышал. Достижение национальной независимости путём первоначальной оккупации, – подтвердил офицер. – Но это риск. А вдруг, потом никто не даст независимость?

– И с Россией теперь Украине никак нельзя, – сказал темноволосый человек с акцентом – то ли татарин, то ли кто другой, – В России теперь большевики, а Рада против большевиков. Все большевики из Рады вышли.

– А тыто откуда знаешь? – удивился офицер.

– Пашка, друг мой, сосед по окопу, с которым три года вместе воевали, рассказывал, он в большевицкой партии был, газеты получал. Убили Пашку. Если бы мириться раньше начали, жив был бы друг мой.

– А что ещё он рассказывал? – заинтересовался офицер.

– А ещё говорил, что Каледин, атаман войска Донского, не признал власть большевиков, сказал, что независимым теперь будет, – объяснял татарин.

– От кого независимым? От Украины? – спросил поляк.

– От России, наверное, я точно не понял, – засмутился татарин.

– Да, теперь все друг от друга независимые. Каждый сам себе начальник. Слабые мы теперь стали, – начал сокрушаться русский офицер и сам испугался, что сказал такое при австрийцах.

– Мы этого не слышали, – засмеялись австрийки, – нам тоже воевать ой как надоело! Дети дома уже выросли. Вернёмся – не узнаем.

– Да и нам пора домой, – засуетился Стах. – Спасибо за курево, за чай.

– И за беседу спасибо, – подхватил Якуб, – не думал, что такое возможно, чтоб Русские, австрийки, поляки, украинцы вместе в одном окопе чай пили. Удачи всем! – попрощался Якуб.

– И жизни без войны! – закончил беседу Стах!

– Без войны! – чокнулись кружками с чаем бывшие враги.

19. Потеря

- Саша, просыпайся, – посреди ночи разбудила Александру Орина.
- Что случилось? – подскочила Саша.
- Марине плохо, – ответила испуганная Орина.
- Так надо доктора, – недоумевала Саша.
- Она тебя зовёт, сходи, пожалуйста, Александра, – возник в дверях Семён.
- Саша прикрылась одеялом, поперхнулась и закашлялась.
- Хорошо, сейчас оденусь.

Все вышли. Саша стала одеваться, ломая голову, зачем зовут её, если там нужен доктор.

Саша и Семён шли быстрым шагом по ночным улицам посёлка, снег поскрипывал под ногами, луна ярко светила. Всё было бы вполне романтично, если бы не цель визита, которая, собственно, была непонятна. Семён и Саша вошли в дом. Сашу проводили в комнату к Марине, Семён было ринулся следом, но его не пустили. Александра и мама Марины, тётя Забава, вошли в комнату. Света почти не было. Свеча стояла на маленьком столике, и две младшие сестрёнки Дана и Ждана дежурили у кровати больной. Марина металась, стонала, увидев вошедших, сказала:

- Мама, оставьте нас с Сашей одних и девочек уведи.
- Все покорно вышли. Было слышно, как они удерживают за дверью бунтующего Семёна.
- Что стряслось, Марина? – спросила испуганная стоном Саша.
- Плохо мне, Александра, – ответила Марина.
- Так врача надо срочно, – подскочила Саша.
- Сядь, не суетись. Того врача, что мне нужен, в нашей деревне нет.

Удивленная Саша молча села рядом и почувствовала, что кровать мокрая. Саша откинула одеяло и увидела, что простынь в крови, отшатнулась, собралась позвать на помощь, но Марина её остановила.

- Это по твоей части.
- По какой моей части? – не поняла Александра.
- Беременна я.
- Но ято тут при чём? – вскрикнула Саша.
- Не хочешь помочь, можешь уходить, но знай, что меня кроме тебя никто не спасёт.

Саша попыталась успокоиться, подошла к окну, но там не было её любимого ореха, который придавал силы и подбадривал. Луна светила, прокладывая светлые дорожки между деревьям. Саша поняла, что деваться ей некуда, сняла зипун, шаль.

– Рассказывай, что произошло? – жёстко спросила Саша. Жизнь, в очередной раз, не оставляла ей выбора. Её подташнивало от волнения, от груза ответственности, от страха, что она ничего не сможет сделать. Как же мало она знает! С людьми ей только однажды пришлось иметь дело, когда рожала Орина, а до этого принимала роды только у коров, да лошадей, да и то только в роли помощницы, всё делал отец.

– Вчера кровить начало, а сейчас, сама видишь, поток крови. Живот болит жутко, спина раскалывается, пить всё время хочется.

- А беременность сколько месяцев?
- Я точно не знаю.
- С анархистами развлекалась?

– Сука ты, Сашка. В такой момент издеваться! От Семёна я беременная. Я и уехала отсюда, чтобы ещё и этого ребёнка на него не вешать, но что-то плохо мне стало, рвало постоянно, вконец измучилась. А анархисты на месте не живут, всё куда-то едут.

- Так ты ж об этом мечтала!

В ответ не раздалось даже матов, только стон. Саша прижалась ухом к животу. Сердцебиение не прослушивалось. Видно, что плод совсем крошечный. Кровь пошла толчками и что-то вышло вместе с ней. Выкидыш. Саша ничем здесь не могла помочь. Теперь нужно было остановить кровь. Саша вышла, позвала мать Марины, сказала, какие нужны травы. Она не знала, можно ли людям давать то, что дают в таких случаях животным, но подумала, что для начала можно дать совсем слабый отвар. В этот момент Марина закричала, Александра кинулась обратно.

– Ты что, сказала ей всё? – злобно прошипела больная.

– Нет, не успела.

– Вот и хорошо, что не успела. Не говори ей про ребёнка, она ничего не знает.

– А что же с ним делать? – спросила потрясённая Саша.

– Возьми, закопай где-нибудь. – Маринка спешно стала заворачивать в свою юбку, висящую рядом, то, что могло бы быть ребёнком, и сунула свёрток Саше в руки. – Иди и молчи, поняла? Матери скажи, что месячные такие, простыла, видать.

Александра, потрясённая, вышла за дверь, автоматически повторила то, что сказала ей Марина и пошла на улицу раздетая и разутая. Её догнал Семён, хотел накинуть на неё шаль, но увидел у неё в руках окровавленный свёрток.

– Что это? – спросил Семён и стал медленно оседать на землю, беспомощно хватаясь за хлипкий плетень.

– Да что ж это такое, почему я всех спасать должна? Я же не мужик, у меня сил уже нет, все на меня надеются, а я ничего не могу, слабая я, – у Сашки началась истерика, она плакала, кричала.

От неожиданности Семён пришёл в себя. Саша всегда вела себя очень сдержанно. Он и не предполагал, что такое возможно. Парень взял у неё из рук свёрток, а Саша, продолжая кричать и плакать, отталкивала его, лупила ладошками. Он обхватил девушку одной рукой, прижал к себе, а она ещё долго билась и вырывалась, затем просто вздрагивала всем телом и, наконец, затихла, прижалась к нему, обмякла, повисла. Он продолжал бережно поддерживать её одной рукой. В другой руке у него был свёрток, о котором он забыл.

– Это ребёнок твой. Мог быть, – шёпотом сказала Саша, но Семёну показалось, что сказала она это очень громко. Он отпустил Сашу и заметался, растопырив руки со свёртком, который чуть было не выронил, потому что весь уже тоже был в крови.

– Остановись, – резко скомандовала Саша. – Положи свёрток, иди за лопатой.

Да, видно судьба у неё такая, всё решать, всем помогать, а так хочется самой побыть маленькой и беспомощной, чтобы защищал кто-то, помогал. Кто же здесь поможет? Только орех.

20. Снег

Шли Стах и Якуб по чистому белому полю, прикрытому только что выпавшим снегом, и наслаждались тишиной, покоем и счастьем. Солнышко, снежок свежий, чистый морозный воздух. Вдали село, там топят печи, бегают ребятишки, бабы готовят еду, в сараях мычат коровы. Люди занимаются простыми делами, наслаждаются жизнью. Счастье! Что ещё нужно человеку? Кто же? Кто решил всё это у нас забрать? Кто решил, что мы должны убивать друг друга, жить в окопах с крысами. Кто решил, что мы должны стать калеками?

Шли Стах и Якуб по полю, изрытому взрывами, пересечённому окопами. Сколько дней или часов назад здесь закончился бой? Точно неизвестно, но то и дело Стах и Якуб спотыкались об ещё не убранные трупы, в которых трудно было опознать людей. Так неестественны были позы, усеченные самым невероятным образом тела. Хорошо, что снег закрыл это немного. Поляки старались не смотреть вниз и идти быстро, насколько только возможно, чтобы покинуть это жуткое поле.

Вдруг, они услышали скрип. Обернулись, ничего не увидели. Опять тот же звук. Прошли всю войну мужики, но здесь струхнули – почудились сигналы из преисподней. Сорвали шапки, начали креститься, чуть не дёрнулись бегом бежать, но постыдились друг друга. Снова скрип. Любопытство пересилило страх. Пошли на звук, показалось, что труп шевельнулся.

– Пошли отсюда, от греха подальше, – сказал испуганный Якуб, выглядевший смешно: такой гигант и боится.

– Не смей людей, Якуб. Трупов испугался? Или мало их повидал за годы войны? – поддел его Стах, хотя самому тоже было как-то неприятно. Он преодолел страх и наклонился там, где чудился источник звука, и тут рука трупа поднялась и схватила Стаха. У мужика пропал голос от страха, раздавался только сип. Якуб бросился спасать друга от нечистой силы. Взял попавшуюся под руку палку, замахнулся, но рука, схватившая Стаха, ослабила хватку и упала в снег.

– Охолонься, не бери грех на душу, опусти кол. Не привидение это, – остановил Якуба Стах.

– А что, я слышал, что видели мужики живых мертвецов, ходят они ночью, вроде как люди, а сами мёртвые! Жуть! – начал страшить Якуб.

– Так сейчас день, – ответил Стах. Он наклонился и повернул немного тело, лежащее перед ним. – Нет, это не оборотень, это ангел, скорей. Посмотри!

Якуб подошёл ближе и застыл в полном молчании. Молоденький мальчик, бледный и худенький, с тонкими, почти девичьими чертами лица, тёмными кудрями, его длинные ресницы заиндевели, и только зубы были стиснуты, а подбородок жёсткий и решительный.

– Господи! Совсем ребёнок, – сказал Якуб.

Стах встал на колени, расстегнул воротник мальчика, попытался нащупать пульс на его шее.

– Он живой, – сказал Стах. И Мужики начали быстро отряхивать его от снега. Это был австриец, судя по форме.

– Что будем делать? – спросил Якуб.

– Ну, не бросать же его здесь! Понесем, может в окопах австрийцы ещё где остались? Отдадим. Или на дорогах обоз встретим! Бери за ноги!

И два уставших, оголодавших и замёрзших поляка потащили куда-то своего бывшего врага, который стрелял в них, но теперь он был более беспомощный, и бросить его никак нельзя было, хотя сами валились с ног. Им нужно было в самих себе возродить что-то человеческое, чтобы выжить.

Тащили, падали, поднимались, растапливали в ладонях снег, выливали по капле парню в рот, сами ели снег. Шли дальше. Село уже недалеко, но сил нет. Шли так медленно, что добрались только к вечеру.

– Не могу больше, – сказал Стах, привалился к плетню, обнял мальчишку, пытаясь согреть его. – Иди по хатам, зови подмогу.

Якуб поплёлся дальше. Вскоре вернулся, привёл с собой баб, мужиков в селе не было. Стах заулыбался при виде живых, подвижных, энергичных женщин в ярких шالях. Такой от них повеяло жизнью, запахом хлеба, домом, что расслабился, а потом еле поднялся, а женщины засуетились вокруг раненого.

– Какой красивый! – сказала молоденькая.

– Да он умер уже, – шепнула другая.

– Пульс есть, слабый только очень, – пояснил Стах.

– Так он же австриец! Он же враг наш, – поразились третья.

– Ладно, бабы, потом решим кто друг, кто враг, а сейчас в тепло бы его, – устало сказал Якуб.

– Понесли ко мне! У меня места много! – сказала кудрявая маленькая бабёнка.

И бабы понесли раненого. Подхватили и легко так, как будто не весил ничего, потащили в хату. Якуб, поддерживая Стаха, пошёл следом. Мужикам уж и не верилось, что без страха быть пойманными, они могут, наконец-то, зайти в село, побыть в тепле, среди людей, среди своих, в нормальном человеческом жилье.

Бабы затопили баню. Какое же это было счастье – снять одежду, которую не снимали неделями, помыться, согреться!

Бабы и австрийца занесли в предбанник, вымыли его, как младенца, в тазике, налюбоваться не могли, какой он милый, да красивый, только без сознания почему-то. Нарядили его в чистую одежду, в кровать уложили, австриец так и не очнулся.

Стах и Якуб разомлели в бане, чуть не уснули, но бабы их выгнали, чтобы не угорели. Накрыли на стол. Кроме картошки да лука ничего не было, но мужики и этому были несказанно рады. Бабы начали расспрашивать их о делах на фронте, о перемирии, да у ребят языки заплетались от усталости, а ещё больше от сытости и тепла клонило в сон. Бабы отстали, уложили их, а сами занялись юным австрийцем, пытаясь понять, что с ним случилось.

Стаху казалось, что он попал в семью, что все здесь милые и родные, и бабы эти незнакомые, и даже австриец; с этими мыслями, улыбаясь, он уснул.

21. Перемирие

В село Желобное стали возвращаться солдаты. Бабы боялись поверить в такое счастье. Неужто война закончилась? – Перемирие – это значит мир? – спрашивали они мужиков, – Конец войне?

– Может, ещё и не конец, только пока переговоры ведутся. Но мы воевать больше не пойдём. Кому надо, пусть сами идут и воюют. Ради чего в окопах гнить? – отвечали мужики. Они переоделись в крестьянскую одежду, отмылись, наелись, и, прямо таки, светились от счастья.

– А что, если придут солдаты, да опять заставят воевать? Или того хуже, арестуют или расстреляют за то, что воевать отказываетесь, – волновались бабы.

– Да пусть лучше здесь расстреляют, – упорствовал бывший солдат, – Я никуда больше с места не сдвинусь. Погибать в любом случае, так лучше уж сразу, без мучений.

А дальше рассказывали друг другу и бабам, кому какие тяготы пришлось пережить. Бабы охали, вздыхали, но настроение у всех было радостное. Сейчас – перемирие! Какое-то изменение! Все так устали за годы войны! Такими они были длинными и тяжёлыми. А сейчас мужики вернулись, не у всех, конечно, но тем, кто пришёл, радовались всем селом. Водили пришедших с фронта из хаты в хату, везде их кормили, поили, расспрашивали о войне, о том, видели ли других односельчан. Сами делились новостями.

А солдаты так радовались любым мелочам обычной сельской жизни, обнимали и нянчили детишек, удивлялись, как выросли мальчишки, как похорошели девочки. Смотрели на молодых жеребят и телят. Сокрушались, видя, как разрушились без ремонта сараи, да хаты, уже строили планы, кому что нужно будет помочь по весне отремонтировать, рассуждали, где, что будут сажать и сеять, как обойтись малым количеством лошадей. Это были самые радостные часы их жизни, когда нужно было решать простые житейские проблемы. Только теперь, после войны, оценили люди, какая это радость – мирный труд. Каждая секунда жизни была ценной, каждая наполнена счастьем!

22. Немец

Хорошенький молодой офицер так и не пришёл в себя ни на утро, ни на следующий день. Сельские бабы приходили полюбоваться на него. Бледность шла его утончённому, интеллигентному лицу. Калина, хозяйка дома, которая взяла к себе на постой молодого австрийского офицера, пыталась выгнать баб, под предлогом недостатка свежего воздуха и тишины, но бабы слетались, как мухи на мёд, посмотреть на невиданного доселе красавца.

– Да, в пору иконы писать, – сказала одна из баб.

– Да нет, он на учёного какого-то похож. Смотри, какое лицо умное! – спорила другая.

– Нет, на священника больше смахивает, – утверждала третья.

Какой священник в военной форме!

– Он ребёнок ещё, ему бы в школе учиться. Не может он быть ни священником, ни учёным. Прочитать бы документы, которые у него в сумке нашли, тогда бы и узнали, кто он.

Жаль, что на немецком всё написано.

– Видно, важные документы. В таких пакетах красивых, с печатями!

Лишь по вечерам, оставшись один на один с немцем ли, с австрийцем ли, большой разницы для деревенских баб не было, Калина отдавалась мечтам. Раздевала парня, протирала влажной тканью, разглядывала и гладила его часами. Ей даже и не хотелось, чтобы он приходил в себя. Сейчас он принадлежал ей, а когда очнётся, вряд ли она сможет удержать парня в этой деревне. Видно, что это птица высокого полёта. Замечтавшись, она прилегла с ним рядом, обняла его, долго гладила и целовала лицо, к которому уже привыкла за несколько дней. Вспомнила, как первый вечер боялась к нему прикоснуться, таким божественно красивым показался ей офицер, таким неземным, отстранённым, как ангел.

И вдруг, он ответил ей на поцелуй. Может, показалось? Может сознание сыграло злую шутку. Желаемое выдало за действительное? Она поцеловала его в губы, и он снова ответил ей. Девушка обалдела от счастья, стиснула его в объятьях так сильно, что парень застонал. Калина очнулась, отстранилась, а парень начал шептать что-то. Говорил по-немецки. Калина бросилась в соседнюю избу, чтобы позвать остановившегося там Якуба, он упоминал, что знает немецкий, работал когда-то у немца. Якуб спросонья не понял ничего, но покорно встал и пошёл за Калиной.

Немец лежал с закрытыми глазами, но говорил, не переставая, то еле слышно шепча, то переходя на крик. В хату набились бабы, несмотря на позднее время. Якуб переводил.

– В пять утра! В железнодорожном вагоне маршала Фердинанда Фоша. – говорил в бреду немец.

– О чём он? О каком Фердинанде? – спросила Лада – женщина, у которой жил Стах Завадский. Самого Стаха среди женщин не было, он заболел, и лежал с температурой.

– Фердинанд Фош – это маршал, французский военачальник, – объяснял Якуб.

– Причём тут Франция? – спросила Калина.

– Про переговоры, наверное, говорит. Там же все собрались: и немцы, и англичане, и французы, а этот Фош союзными войсками командует, – пояснял Якуб.

– Фон Винтерфельдт ещё не приехал. Его ещё нет. Переговоры могут сорваться! Винтерфельдта нет! – кричал в бреду военный.

– О ком это он? – затаив дыхание, вслушивались в каждое слово женщины.

– Такого я не знаю, – отвечал Якуб. – Но фамилия немецкая. Понятно, должен же кто-то со стороны Германии договариваться.

– Вагон, вагон, идите к вагону! – уже тише бормотал больной.

– А при чём тут вагон? – не понимали женщины.

– Точно не знаю, но слышал, что переговоры, вроде, в каком-то вагоне железнодорожном проводили.

– Сто один залп! Сто один залп! – продолжал бредить юноша. Он с трудом дышал, реплики сопровождались хрипами и кашлем.

– Ему совсем плохо! Он задыхается! – вскрикнула взволнованная Калина.

– То, что он заговорил – это хороший знак. Может быть, придёт в себя! – попытался успокоить женщину Якуб.

– Нет! Я же вижу, что он задыхается! Нужно что-то делать! – Калина попыталась приподнять больного, но дыхание парня становилось всё более тяжёлым, а хрипы более сильными. Лицо его приобретало серый оттенок.

– Нужен доктор! – тут уже и Якуб встревожился.

– У нас в селе нет докторов и в соседних сёлах тоже. Всех в армию забрали, в лазаретах работают, – пояснила Лада.

– Что же делать? – уже не могла сдержать слёз Калина.

– Нужно Стаха привести, он ветеринар, вдруг, сможет чем-то помочь! – предложил Якуб.

– Что ты говоришь! Он сам с температурой! Ему нельзя вставать с постели, – начала спорить Лада, хозяйка дома, в котором разместили Стаха.

– Но парень умирает! – закричала Калина.

– Ладно, сейчас я его приведу! – сказал Якуб, выходя за дверь. Следом за ним выбежала Лада, на ходу накидывая шаль.

Парень уже почти совсем не дышал, но продолжал что-то бормотать. Самая молодая из женщин наклонилась к нему, пытаясь разобрать, что он говорит.

– Слушайте, он же по-русски говорит, – сказала девушка. Все склонились к больному.

– Не может быть. Он же немец! – сказала одна из них.

– Отойдите от него! Ему дышать нечем! – отогнала всех от кровати Калина.

– Он по-английски говорит, а не по-русски! – продолжила спор высокая брюнетка.

– Я точно слышала русские слова, – уверенно проговорила молодая.

Спор прервал вернувшийся Якуб, который вёл бледного, худого, постоянно кашляющего Стаха. Стах вымыл руки. Попросил какую-нибудь палочку для осмотра. С трудом разжал зубы и осмотрел полость рта и горло.

– Дифтерия, – диагноз был поставлен незамедлительно.

– Так дифтерией обычно дети болеют, – сказала Лада.

– Он и так ребёнок ещё, – ответила Калина. – И что же делать? Как лечить?

– Уже поздно. Горло всё плёнками затянато.

– Как поздно? Сделайте что-нибудь!

– Я ничего сделать не могу. Говорят, что где-то в Америке уже есть сыворотка от дифтерии, но не у нас. – Стах беспомощно развёл руки.

– Но вы же врач, сделайте что-нибудь! – схватила его за руки Калина.

– Что я могу сделать! – закашлялся от громкого возгласа Стах.

– Если там плёнки, их что, убрать нельзя? – сквозь слёзы кричала Калина.

– Обычно делают трахеотомию, – ответил Стах.

– Что это такое? – уточнила Лада.

– Разрезают гортань.

Их разговор прервали хрипы больного. Воздух уже почти не проходил через горло.

– Режьте скорее! – кричала Калина.

– Я не врач, я ветеринар! Я никогда этого не делал. Животные не болеют дифтерией!

– Он всё равно умрёт, Стах. – тихо промолвил Якуб, и все затихли.

Стах посмотрел на посиневшего пациента. Навредить ему уже было невозможно.

– Шансы очень малы, даже если я смогу... – начал фразу Стах, но Калина прервала его.

– Быстрее! Он не дышит!

Стаху ничего не оставалось, как начать операцию. Калина выпроводила из дома своих подруг. Стах комментировал вполголоса свои действия, вероятно, чтобы успокоиться.

– Я должен найти перстнещитовидную мембрану.

Стах поставил палец на кадык юноши, затем соскользнул вниз до следующей выпуклости.

– Так, это перстневидный хрящ, а углубление между кадыком и перстневидных хрящом и есть перстнещитовидная мембрана. Здесь будем делать разрез. Мне понадобится трубка толщиной с палец! – обратился он к Калине. Калина быстро убежала в сени и вернулась с трубкой, видимо сняв её с самогонного аппарата, судя по запаху. «Хорошо, если от самогонного аппарата, стерильная», – промелькнула мысль у Стаха.

Он сделал надрез на коже, раздвинул её, затем сделал надрез на показавшейся под кожей мембране. Пациент к этому моменту уже не дышал, и пульс его остановился, но как только Стах вставил в надрез мембраны трубку, парень вздохнул, но, к сожалению, этот вдох оказался единственным.

Стах приказал Калине делать искусственное дыхание через трубку, а сам приступил к массажу сердца. Теперь и самому ветеринару стало плохо от переживаний и собственной болезни. На помощь пришёл Якуб, он попытался повторить движения друга. Стах поправил расположение его рук и стал руководить реанимационными действиями людей очень далёких от медицины.

Завадский уже не верил в положительный результат, но Калина просила Якуба продолжать, и сама не прерывалась. И, как ни странно, их усилия увенчались успехом: пациент задышал, сначала слабо и прерывисто, затем всё активнее и более размеренно.

Стах сполз на пол со скамьи, на которой сидел, и потерял сознание. Якуб и Калина растерянно стояли рядом с двумя больными и не знали, что делать дальше. К счастью, обморок поляка был недолгим, он пришёл в себя, но был очень слаб. Калина постелила ему постель и попросила пожить в её хате, рядом с прооперированным. Ей страшно было остаться с ним одной, боялась, что может что-нибудь случиться, а она не сможет помочь больному. Якуб тоже остался.

Вскоре все мужчины уснули, а Калина подходила то к немцу, то к Стаху, проверяя дыхание. Ей казалось, что все они престанут дышать, если она не будет за ними следить.

Она держалась несколько часов, но затем опустилась на лавку, уронила голову на стол и уснула, но и во сне она слышала дыхание сначала одного, затем двоих, троих, а затем сотни человек. И там, во сне, она должна была за всеми уследить, никого не пропустить, услышать дыхание каждого.

23. Страсть

Саша закончила доить корову, поднялась, вытерла руки о фартук, приподняла ведро и чуть не уронила его. Семён подошёл к ней тихо, схватил за плечи, зарылся лицом в её волосы. Саша тихо охнула и замерла, не смея пошевелиться. Именно об этом она мечтала столько раз. Обнять его за плечи, зарыться в его волосы, прижаться к нему всем телом, вдохнуть его запах и раствориться в нем. Он сделал это первым.

Он прижал её к себе с такой властной силой, что она потеряла волю, дар речи, мягко припечатав её к груди, будто хотел оставить при себе навсегда. Поцеловал шею, отодвинув косу, и этот простой жест свёл её с ума. Волна пробежала от макушки до пяток, ноги подкосились, голова пошла кругом, она закричала зубами, чтобы не застонать. Не думала она, что это когда-нибудь случится, запрещала мечтать себе, прятала свои желания в потаённые уголки души, но рвались они наружу, и не было сил сдержать их. Но это была бы не Саша, если бы она позволила чувствам взять верх над разумом. Она преодолела колдовское очарование, стряхнула с себя бесовский морок.

– Ты что творишь? – крикнула Саша, прерывая тишину омута, в которую её засасывала предательская природа.

– Не могу больше без тебя, – проговорил, задыхаясь, Семён.

– Ты ж даже не смотрел на меня. Я ж не в твоём вкусе. Худая, длинная. Ты ж со всеми ласков был, кроме меня. Я думала, ты меня ненавидишь, – закрыв глаза, чтобы не видеть его, чтобы не проявить слабость, не соблазниться, прокричала Саша.

– Понравилась ты мне сразу, как с лодки спрыгнула, как синяя вся из воды вылезла. Никогда таких гордых и строптивых не видал, – объяснял Семён, снова подбираясь к ней, как паук.

И не было мочи из его сетей выпутаться, так сладко замирало всё, так заходило всё тело в предвкушении, в предчувствии, немыслимые дали будто распахнулись перед ней, полные света и неги. Не пойти нельзя. Рай там. Счастье там неземное. Она дошла до черты, и, казалось, обратно уже не переступить, уже ушла с головой в этот омут, позволила ему, пауку этому хитрому, Семёну, подойти, обнять.

А прикосновение, как яд, как путы, обволокли мгновенно всю, связали по рукам и ногам, сердце ухнуло вниз и колотилось где-то там, за пределами тела, глаза смотрели в глаза, и был этот гипнотический взгляд страшнее всего. Испугалась она. Себя испугалась, не его. Что-то незнакомое происходило с ней, с её телом, с её душой, будто и нет уже у неё никакой души, и тела уже нет. Одна ниточка только – взгляд, а остальное попало в сети. Забилась она в его руках, затрясло её, толи в муках, толи в экстазе, оттолкнула его, побежала было, но споткнулась, упала и не смогла встать.

А он стоял растерянный, не смея двинуться с места, не смея прикоснуться. Не знал он, что делать. Столько баб у него было. Он был так уверен в себе, а тут растерялся. Вот она лежит перед ним беззащитная, слабая, в полуобмороке, явно влюблённая. Её желание он чувствовал кожей, но прикоснуться к ней он не смел. Запредельная сила её чувств, странная, необузданная, загадочная, нечеловеческая, напугала его.

Что с ней такое творится? Не мог он ни понять, ни почувствовать. Оглушило его, как водопад оглушает, и за его шумом не различить ни голоса, ни крика. Её странная реакция отрезвила его, как холодный душ после бани. Не понял он, что это было, кто она? То ли девочка ещё неопытная, то ли женщина, познавшая всю глубину человеческой страсти и силу инстинктов. Отступил Семён на шаг. Она не подняла головы. Он отступил ещё, развернулся, потоптался, не зная, что предпринять, медленно пошёл к выходу. Остановился, услышав глухой голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.